

A high-angle, top-down shot of a young woman with vibrant red hair and striking blue eyes. She is wearing a dark grey, long-sleeved, off-the-shoulder gown with a ruffled neckline and a full, flowing skirt. She is holding a sword in her right hand, which is extended outwards. The background is a light-colored, textured floor, possibly marble or stone, with the legs and feet of other people visible around her, suggesting a crowded or public setting. The lighting is dramatic, highlighting her features and the texture of her dress.

16+

ОЛЬГА ВОРОН

ИНИЦИАТОР

Ольга Ворон

Инициатор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43640211

SelfPub; 2019

Аннотация

Вампиры и церковь... Кажется, что это несовместимо. Но ведь не зря же церковь веками так мягко обходит все вопросы, связанные с существованием касты бессмертных! Вам кажется, что они в них не верят? А, может быть, просто они ими... живут? Льётся кровь и ломаются судьбы, проходят тысячелетия веры и безверия. И на земле среди людей живут нелюди. Но "человечность" – это не только о человеке.

Содержание

1. Начало	5
2. Дом	14
Воспоминание о Смерти	22
3. Прогулка	27
4. Станный	36
5. Разговор	44
Воспоминание о Восхождении	53
6. Охота	58
7. Война	68
8. Бет.	78
Воспоминание о Ноже	87
9. Обряд	92
10. Инициация	101
11. Йахи	110
Воспоминание о Сне	119
12. Отдых	124
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Обложка создана иллюстратором Валедой Сонвариной (www.deviantart.com/chanteur-de-vent).

Религия – это убеждение, что все происходящее с нами необычайно важно. И именно поэтому она будет существовать всегда.

Чезаре Павезе

Я однажды проснусь, а вокруг – мир другой
Светел, чист, бесконечно прекрасен,
А на троне высоком – царица Любовь,
А на меньшее я не согласен!
Н.Носков

1. Начало

Листва городских деревьев уже потеряла весенний лоск, но пьянящий запах пробуждения растекался в воздухе. Казалось, что он липкой паутиной расплзается по пространству, обволакивая дома, машины, киоски, готические фонарные столбы и ограду, и ловит прохожих. И люди тут же становятся похожи на мух в растительном масле – замедляются, лениво шевеля лапами и оглядываясь в поисках киоска с мороженым или квасом и свободной скамейки. Весна в этом году пришла поздно, в который раз напугав мир мифом о ледниковом периоде, но, наступив, придавила небывалой жарой, превратив город в одну большую песочницу – пыль, пыль, пыль...

Алиса стояла возле бокового входа в городской парк и делала вид, что разглядывает витрину модельного бутика на другой стороне улицы. Застывшие в нелепо-подтянутых позах манекены, кружевные тряпки, знаменующие переход на летнее время; во всём – строгий минимализм, будто материал так дорог, что жалко потратить лишний сантиметр для прикрытия наготы. А по всему стеклу витрины пунктирами клякс от пейнтбольных шариков и отдельно, краской, чёрный крест с золотыми лучами и надпись – «Жечь сук!». Ниже строчкой иероглифического ребуса название команды «защитников церкви». Ничего занимательного, но взгляд за-

цепился, сознание схватилось за решение задачи – хоть какое-то развлечение. Впрочем, ответ пришёл раньше, чем линии сложились в символы, – «сыны Единой» – и Алиса потеряла интерес к надписи.

Невыносимая жара вынуждала прятать лицо в тени широкополой шляпы, а глаза под солнцезащитными очками, и одеться пришлось соответствующе – в модельный костюм с юбкой чуть ниже колена и босоножки. Алисе очень хотелось скинуть тесную обувь, переодеться в любимое длинное платье, а вместо изящной сумочки прихватить потёртый городской рюкзак, но вносили свои коррективы жара и назначенная встреча.

Из парка неслась музыка, роковыми раскатами диссонирующая с вязким состоянием окружающего мира. Сперва Алисе казалось, что в кафе неподалёку работает недобросовестный ди-джей, но вскоре зазвучала новостная заставка радио, и в её глазах это извинило получившийся контраст.

– Победа партии «Единой Церкви» на выборах, – это победа, в первую очередь, духовности нашего народа, которая поднимет Россию на качественно новый уровень развития, позволив достичь небывалых высот. Наша страна всегда была известна природными богатствами и духовностью людей, и именно это... – знакомый голос Президента оборвался – кто-то из работников кафе переключил канал. Но по всем радиостанциям новости передавали одновременно – хочешь или нет, а слушать придётся.

– ...решение синода «Единой Церкви» участвовать в политической борьбе было не только оправданным, но и необходимым, чтобы доказать понятное каждому верующему – что любая власть от бога...

– ...Единая Церковь сможет объединить людей перед лицом угрозы терроризма и...

– ...взрывное устройство, заложенное в школьный автобус, было успешно обезврежено силами...

– ...Григорий Мирошенко выступил против инициативы Единой Церкви о принудительном введении чипов контроля представителям религиозных меньшинств...

– ...двадцать пять человек убитыми, шестьдесят раненых, среди них...

– ...областной суд отказался рассматривать дело о нарушении тайны исповеди и не принял иска о ...

– ...регион потрясло появление нового маньяка-Потрошителя...

– ...явлено очередное чудо раскаяния...

Наконец радио поймало мелодию, и мозаика новостей закончилась. Алиса прикрыла глаза – в ушах звучали обрывки, шорохи, бессмысленные словосочетания. Требовалось усилие, чтобы вытрясти их из головы. Принятый перед выходом стимулятор восприятия действовал отлично, концентрируя сознание на полученной головоломке. Алиса сунула руку в сумку, уже размышляя, не принять ли четверть дозы антидота, но краем взгляда заметила выходящий из парка патруль.

Двое полицейских обходили владения, внимательно оглядывая прохожих. Пришлось выпрямиться, капризно прикусить губу и недовольно посмотреть на часы. Патруль прошёл мимо. Но переключение отвлекло от мозаики, складывающейся в голове. Это было хорошо: принять антидот значило снизить возможности восприятия.

Нужный автомобиль Алиса заметила, как только он вынырнул из-за поворота, лишь потом увидела на лобовом стекле знакомый знак чёрного креста в золотом круге. Она не могла бы объяснить, почему опознала машину, возможно, просто привыкла, что служители этого уровня предпочитали старые огромные джипы, словно подчёркивая данный обет аскезы. Впрочем, Алиса знала и то, что ветхость таких драндулетов обычно оказывалась обманчивой.

Автомобиль остановился в десятке шагов до неё, заняв свободную нишу у обочины. Сомнений не осталось. Алиса подошла к машине и потянулась к опущенному стеклу, из-за которого приятно подуло свежестью.

– Доброго дня, отец. Исповедуете?

Священнику оказалось едва ль под сорок. Как положено – короткие ухоженные волосы, бородка, больше напоминающая щетину-переростка, строгий деловой костюм с чёрно-золотым значком на лацкане и привычная полуулыбка. Только необычные глаза – голубые, словно зачерпнувшие краску с неба. Глаза ангела. «Линзы», – отметила Алиса. Общее впечатление от священника складывалось благоприят-

ное – профессионализм ощущался.

– Присаживайтесь, – мягко улыбнулся «отец», указывая на место рядом.

Она не заставила себя ждать. Опустилась в кресло, закрыла дверь и подняла стекло – как и положено для рабочих машин церкви – хорошо тонированное. Исповедальня на колёсах была готова. Теперь к ней вряд ли подойдут близко. Даже патрульные штраф побоятся выписать. В этом проявлялось несомненное преимущество встреч на территории волонтеров «Единой Церкви».

Устроив на коленях сумку, Алиса положила сверху друг на друга ладони, так, чтобы остались видны на левом запястье два шрама крест-накрест. Называть имя уже не требовалось. «Отец» мазнул взглядом по отметине, потянулся к бардачку и вытянул пачку мятных конфет.

– Угощайтесь.

Отступление от правил, но явного повода отказываться не было, и она положила под язык одну. Ментоловый взрыв ударил в нёбо, заколол иголочками холодка, на время освежая забитую пылью носоглотку. Алиса знала, что это ненадолго. Всего лишь суррогат свежести. Настоящей в мегаполисе не найти. Даже тут, в прохладе работающего кондиционера, ощущалось психологическое давление жары, с которой через десять-пятнадцать минут снова придётся встретиться. При воспоминании об этом, ей захотелось быстрее всё закончить и спрятаться обратно в убежище, в старенький до-

мик на краю города, сырой и прохладный даже в такую пору.

– Как мне вас называть?

– Батюшка, – легко отозвался «Отец», внимательно оглядывая сквозь тёмные окна улицу. – У нас с вами общение короткое – большего не потребуется.

– Устраивает, – откинувшись в кресле, она прикрыла глаза. Знала, что посторонних их встреча не заинтересовала. Не до того сейчас обычным людям – жара их утомляет. А непосторонних тут не было. Если бы оказались – столкновение произошло ещё тогда, когда она стояла в ожидании встречи.

Убедившись в спокойствии мира вокруг, Батюшка вытянул с заднего сиденья ноутбук, положил на приборную доску и ввёл код.

Когда на экране засветились данные, Алиса, извинившись, переставила компьютер себе на колени. Священник не перечил. И, пока она рассматривала сменяющиеся на экране картинки, отвернувшись, разглядывал улицу и пожёвывал в зубах палочку деникотиновой сигареты. А Алиса сконцентрировалась на восприятии. Информация, как всегда, шла единым потоком, без возможности контролировать её. Запустил программу и считываешь. Каждый предыдущий слайд исчезал из памяти машины сразу, как только заменялся на экране следующим – не остановить, не посмотреть повторно, не задержать, не...

Алиса смотрела на мелькающие с огромной скоростью картинки, в которых неподготовленный человек смог бы раз-

личить только множество хаотически разбросанных на белом экране чёрных точек и чёрточек, и впечатывала в память образы, ещё не зная, что ей даст полученное сообщение. Последний раз экран мигнул кратковременной вспышкой белого в чёрную крапинку и потух. Всё.

Откинувшись на спинку, Алиса закрыла глаза ладонями. От усталости под веками бились ослепительные пульсары. Лились слёзы, стирая пыль с лица, но глаза не успокаивались. Да и не в глазах одних было дело – в голове сами собой вспыхивали белые полотнища в полмира с чёрными чёрточками и точками, соединяющимися в уродливые образы и снова распадающимися. Сознание искало ключ к полученному сообщению. От этого болела голова, сбивалось бешено стучащее сердце и лихорадило.

– Вы в порядке?

Она встряхнулась и отняла руки от лица:

– Большой заряд. Пройдёт.

Алиса чувствовала на себе оценивающий взгляд Батюшки, явно про себя решающего – стоит ли вмешиваться или нет. И ему, несомненно, не хотелось помогать. А ей – принимать его помощь.

– Съешьте антидот, – посоветовал он.

«Дилетант» – подумала Алиса.

– Нет, – Она покачала головой и сухо прокомментировала: – Он смазывает распределение информации.

Батюшка пожал плечами и протянул ей пачку денег. Рука,

не смотря на жару, была затянута в перчатку. Алиса не пересчитывая, сунула в сумку, по толщине и цвету определив, что сумма достойная.

– Контроллер? – спросила она.

– Да, инки пришлют человека, – отозвался Батюшка.

– Место встречи? Пароль?

– Он вас знает, он вас найдёт.

– Логично, – кивнула Алиса. – Ещё информация?

– Нет, – покачал Батюшка головой и, вытянув из кармана приготовленную монету, сунул в щель аппарата, установленного перед пассажирским креслом. На дисплее высветилась дата, время, код машины и слова благодарности за пожертвование, снизу высунулся язык жёлтого, под старину, листика.

Алиса промолчала – оба хорошо понимали, какими монетами могла бы расплатиться она. Не для церкви такие деньги.

– С богом, – кивнул Батюшка напутственно. Привычного для окончания исповеди – «Иди и не греши», – не прозвучало.

– Аминь, – коротко ответила Алиса, дёрнула бумагу, разорвавшуюся чётко по линии перфорации, и, последний раз вдохнув искусственной свежести импортного кондиционера, вышла на душную улицу.

Патруль скучал справа, у стоянки. Прохожий – юноша в белой широкой рубашке, под которой могло скрываться оружие, – прошёл неосмотрительно близко. Две девушки выпорхнули из бутика, оживлённо переговариваясь и раскла-

дывая по сумкам покупки. Навстречу им прошла дама в сером закрытом платье до щиколоток и синем платке, скрывающем лоб и шею. В доме напротив в окошке сверкнуло. Из кафе неслись латинские ритмы. Солнце жарило прямой наводкой...

Автомобиль за её спиной завёлся, маневрируя, выбрался на трассу и, глухо ворча форсированным движком, ушёл в сторону центра города.

Опустив глаза, Алиса взглянула на прихваченный листик. На искусственно состаренной бумаге стилизованным шрифтом был напечатан текст «Отче наш», а ниже, в две строки – благодарность за использование услуг Единой Церкви, дата, время, код аппарата. То ли чек, то ли индульгенция.

– С богом, – задумчиво повторила Алиса и, сунув листок в сумку, направилась в парк. Идти к убежищу через тень было гораздо приятнее.

...

2. Дом

Взойдя на крыльцо, Алиса поднялась на цыпочки и стянула из-под резного наличника окна ключ. Рассохшаяся дверь, как обычно, поддалась с трудом.

Вошла в сумрак и тишину старого дома и, скинув надоевшие туфли под дранное кресло у порога, дальше, в комнату, пошла босиком, радуя ноги холодком скрипучих половиц. Сквозь давно не мытые окна пробивался слабый свет, рассеянный густыми липами, и казалось, что в доме навечно поселился сумрак. Он заполнял всё пространство, повисая меж тончайших, прозрачных лучей густой подвижной массой. Он раздвигал стены, скрывая в полутени массивную мебель ещё советской эпохи. И только в дальнем углу синий глазок индикатора ноутбука, примостившегося на кемпинговом стульчике, отталкивал вязкую смесь тени и света от разложенных вещей – спальника, рюкзака и десятка тёмных бутылок.

Алиса на ходу разделась, стаскивая надоевший костюм с пропотевшего тела. Под одеждой оказались плоские ножны со скрытыми в них клинками, чёрными ремнями прижатые на бёдрах. Алиса отстегнула крепления, уронив ножи на пол, и сама рухнула на спальник, с наслаждением вытягиваясь.

Потянулась к бутылке, стоящей неподалёку, жадно стала пить. Из уголка губ вниз побежала густая струйка чёр-

но-красного цвета. Блаженно откидываясь, Алиса стёрла подтёк, слизнула капли с пальцев. Потянуло в сон, и она прикрыла глаза. Сложила руки на животе, запрокинула голову и задышала глубже. Опущенные веки затрепетали, тело стало подёргиваться, сопровождая тяжёлую работу сознания. Потом даже едва уловимые движения прекратились, а дыхание стало неприметным. Если бы в этот момент Алису увидел врач, то не замедлил бы проверить пульс и, возможно, начал реанимировать, не определив биения. Но был бы неправ. Сердце билось. Так редко, так едва ощутимо, что не всякий специалист смог бы это определить.

Солнце уходило к закату, лучи пробивали мутные окна, всё также стремясь пронзить сумрак комнаты, словно воины-копейщики лавину конницы. Но постепенно проигрывали. Спадали жара и деревья в окнах, казалось, выпрямлялись, загорая мощными плечами крон старый домишко.

Алиса очнулась, лишь когда подоконники запятнали розовые блики, пробивающегося через листву закатного света. Внезапно едва заметно дёрнулась и снова замерла. Спустя почти минуту по телу от ступней вверх пошла судорога, до уродливости напрягающая мышцы; лицо исказилось, губы раздались, обнажая стиснутые зубы, сквозь которые просачивалась тёмная жидкость. Выгнувшись дугой, Алиса застонала. Лишь чуть смогла расслабиться, как новая волна судорог побежала по ней, изгибая и корёжа. Сознание овладело телом, лишь когда ей удалось разорвать кольцо сцепленных

рук. Словно замок раскрылся – тело тут же стало послушным. Не открывая глаз, Алиса повернулась на бок, с трудом подтянула под себя ноги и встала не четвереньки. Горлом и носом пошла чёрно-красная рвота. Позывы оказались недолгими – пустой желудок сотрясался, но литься оказывалось нечему.

Алиса утёрла рот и села, без сил привалившись к стене. Сжалась в комочек, охватив колени трясущимися руками. По лицу текли слёзы, плечи вздрагивали, тело сотрясалось от холода и плача. Шла реакция. Взгляд, хаотично мечущийся по сумраку, раскрашенному в красные и золотые тона, преследовали тексты, фотографии, схемы. Сознание собрало полученные фрагменты в единые картины, и теперь перед глазами стояли образы. Десять фотопортретов – профиль и фас. Пять схем – карта города, схема подъездов, планы зданий, графики патрулирования. Модели машин, описание. Но главное, на что взгляд натыкался, как бы не метался – три десятка служебных снимков с мест преступлений. Девушки. Прекрасные своей юностью и незащищённостью. Растерзанные. Окровавленные тела с изрезанной символами и словами кожей, с вскрытыми животами и порванными внутренностями. Их лица, и после того, как замерли сердца, остались искривлены ужасом – смерть не дала освобождения.

Потому и слёзы текли неостановимо, да хотелось уткнуться в подушку, стать маленькой и неприметной и сбежать так, чтобы никто не увидел, не остановил.

Тихо щёлкнул ноутбук, посигналив полученным сообщением. Вздвогнув, Алиса потянулась к компьютеру, нащупала пробел, включая монитор. На экране мигало жёлтое окошко с именем. «Гроссмейстер». Наскоро утерев слёзы, Алиса открыла сообщение.

– «Где ты? Скоро сеанс. Ты участвуешь?»

Алиса потянулась к клавиатуре и тут же одёрнула грязные пальцы. Пришлось подняться и бежать на кухню, совмещённую с ванной. Открыла кран – по старой, расколотой сидячей ванне громко забила тонкая струйка воды. Алиса отмылась, вздрагивая от холода. Убралась в комнате, окончательно заморозив пальцы. И лишь потом села перед ноутбуком, закуталась в спальник, и набрала ответ:

– «Привет, Влад. Я уже тут. А ты участвуешь или судишь?»

– «Не то и не другое»

– «Тогда, пожалуй, я не в игре»

– «Что-то случилось? Тебя сегодня долго не было...»

Алиса облизала губы. Уже не в первый раз подмывало поговорить с сетевым другом по душам, но всякий раз сдерживало то, что прекрасно понимала, откуда берётся это желание. Увы, именно то, что Влад оставался до сих незнакомцем, далёким и неясным, и заставляло стремиться к нему с надеждой на понимание, которое не могла бы обрести среди обычных людей. К нему тянуло с откровенностью, как тянет к случайному попутчику в поезде, к священнику на испове-

ди или психотерапевту в кабинете...

– «Работа», – коротко ответила она.

– «Не знал, что ты работаешь. Думал, ты студентка»

Алиса удивлённо приподняла бровь и усмехнулась, отбивая вопрос:

– «Серьёзно? А что ещё думал?»

– «Извини. Признаю – невежливо с моей стороны. В нашей среде не принято раскрываться»

Сквозь окно ещё проникали розовые и золотые лучи, но сумрак становился плотнее, и Алиса включила торшер, в ветхой ткани которого скрывалась тусклая жёлтая лампа.

– «Я не обиделась. А что ты ещё про меня думал?»

– «Если честно, я не особенно задумывался об этом. Предполагал, что ты живёшь в мегаполисе, получаешь высшее образование и на досуге играешь. Больше ничего»

– «Спасибо за честность»

– «Не за что. Если не секрет, кем ты работаешь? У тебя очень странный график занятости – не знаю профессий, для которых было бы характерна в основном ночная активность»

Алиса покусала ноготь и перевела взгляд на окно. Среди золотистых бликов показалось белое девичье лицо с распахнутыми тусклыми глазами и перекошенным страданием порванным ртом. Быстро отвела взгляд и набрала ответ:

– «И очень хорошо, что не знаешь!»

Контакт Гроссмейстер некоторое время молчал. Алисе уже показалось, что Влад обиделся на её резкий ответ, но тут

же пришло сообщение:

– «Ну, нет! Не поверю – так и знай!»

– «Во что?»

– «Девушка, молодая, возможно – студентка, занятость ночная, и так не хочет о ней говорить... Объяснить, о какой профессии можно подумать? Так вот – я не поверю!»

Если бы не куча смущённых смайлов, Алиса, возможно, не поняла бы. Фыркнула и, улыбаясь, ответила:

– «Фи, Влад!»

– «Вот и замечательно! Просто прекрасно! Значит, я был прав!»

Она улыбалась в монитор, ощущая, что там, далеко, в неизвестной дали, незнакомый, но такой близкий человек, тоже улыбается в экран.

– «Ах, да это была «вилка»?! Как бы я не ответила – у тебя был готов ответ, тебя извиняющий! Если бы я сказала «да», ты бы заявил, что всё равно не веришь, и я была бы рада твоему ответу. А сказала «нет», – так ты, вроде, о том же и говорил. Так? Играешь?»

– «Ну... Вся наша жизнь – игра. Правда?».

– «С тобой – несомненно».

– «Так кем же ты работаешь?»

Алиса задумчиво оглядела комнату. Сумрак за пределами жёлтого круга лампы сгустился, и в нём едва проглядывали очертания мебели. А за окнами поднимался ночной ветер, веющий прохладой с северо-запада. И в этом миропорядке

всё было правильно. Кроме неё. Но она такая, какая была теперь, никогда бы не появилась, если бы не раковая опухоль человечества...

– История не знает сослагательных. Личная история – тоже, – усмехнулась Алиса и наклонилась к компьютеру.

– «Ответ на ответ. Устраивает?»

– «Обмен?»

Она усмехнулась. Да, это был, несомненно, обмен. Но, не видя доски, не могла сказать – насколько равнозначный. Просто любопытство – первый шаг к пониманию.

– «Хорошо, согласен. Работа? Я не знаю, что это такое. За меня работают другие люди. А я сижу в старом замке, периодически от нечего делать играю в сети в стратегические игры. Устраивает?»

– «Ты – миллионер?»

– «Можно сказать и так. Во всяком случае, нужды не испытываю, могу себе позволить любую роскошь или блажь и работой не занят»

– «Я тебе не верю. Миллионерам нечего делать в сети»

– «Как сказать, Аля. Честно говоря, тут можно найти собеседников по душе, а это немало. Ну, и, если уж честно, то мы не очень хорошо друг друга поняли. Ты, возможно, считаешь, что я богатый дядька с толстым кошельком и солидным пузом от лени, но это не так. Денег на руках у меня фактически нет. Занятий, кроме сетевых игр, достаточно, хотя их и сложно назвать работой в том смысле, который вкладыва-

вают люди. Ну и последнее – верь или не верь, но жить на свете иногда бывает очень тоскливо. И возможность жить в роскоши не заменяют живости существования».

Алиса сглотнула и поддёрнула спадающий с голых плеч спальник. Почему-то на миг представился Влад – эдакий пожилой, но ещё вполне крепкий мужчина, в солидном красивом фраке, окружённый роскошной обстановкой прекрасного гостиного зала, сидит возле огромного окна в ярких витражах и смотрит в монитор персонального ноутбука, украшенного вензелями из драгоценных камней. По углам комнаты стоят люди в серых одеяниях, готовые по любому слову или жесту подбежать к хозяину комнаты – подать, отнести, помочь. А он сам... сидит на инвалидном кресле. Алиса замотала головой, прогоняя видение. Чего она не хотела, так чтобы такие вот картинки, возникающие в голове случайно, оказывались реальностью.

– «Верю. Одиночество – страшный зверь»

– «Тогда – твоя очередь», – написал сообщение Гроссмейстер.

Алиса в волнении облизала губы. Врать или нет?

– «Моя работа? Я – уборщица», – быстро отбила она.

Уборщица. Только убираться приходится не в клозетах. Но об этом Владу говорить не стоило.

...

Воспоминание о Смерти

– Жаль девочку, жаль... Ну, вы понимаете?

Святослав Семёнович, учитель по православной этике, стоял в стороне, рядом с неизвестным в добротном чёрном костюме и шрамом на подбородке и шёпотом выговаривался. Он был уверен, что Алиса, ушедшая в себя ещё когда выносили гроб, не услышит. Но она слышала каждое слово. Так получалось, что ощущала всё происходящее рядом, пропуская сквозь себя, как воду. Слышала и не слушала, не запоминала. Но через годы в сознании звучало всё слово в слово.

– Я как раз в школу пришёл работать, когда у неё отец погиб, – с искренней болью в голосе выговаривался Святослав Семёнович. – Он газовиком был, тянул газопровод по сёлам области. Шесть дней недели на маршруте, потом всего на сутки домой, и так почти год – только в зимний период дома. Вахтовый метод. Она его почти и не видела. Погиб он в автомобильной катастрофе – на машине газовые баллоны взорвались при аварии. Тогда показалось, что Алечка и не горевала. Но она после похорон, как в школу вернулась, сразу ко мне пришла и спросила, что Библия говорит о смерти... Тогда я понял, что она просто ещё не познала её. Я объяснил, как мог.

Отец умер в год, когда в школе ввели преподавание Закона Божьего. Она запомнила это потому, что преподаватель

православной этики Святослав Семёнович – молодой, красивый, подтянутый мужчина, – показался ей тогда воплощением всего правильного на земле, сдвинув в тень образ папы, которого ей удавалось видеть едва ли раз в неделю. Может быть, поэтому его гибель не стала для Алисы страшной раной. Лишь странное понимание неизвестного пугало по ночам. Именно тогда она решила спросить Святослава Семёновича о том, что такое смерть. Конечно, он ей не отказал. И долго рассказывал удивительно красивые, яркие истории о замысле творца, загробном мире и том, как люди будут жить после второго пришествия. Домой Алиса пришла позднее обычного и захлёб стала пересказывать матери только что услышанное. Уставшая мама отстранилась от ванной, в которой стирала бельё, села на бортик и, закутив, долго слушала, не перебивая. Когда дочь замолчала, пытливо взглядываясь в неё, мать сбросила пепел в раковину и вздохнула: «Смерть – это никогда, доча. Никогда, и больше ничего».

Смерть – это никогда. Понять слова матери она смогла лишь несколько лет спустя, когда потеряла последнего близкого человека. Это случилось весной, когда цвели вербы. Мать не любила эту пору за распутицу и начинающуюся аллергию. Но, стоя над свежей ямой в грязной земле, Алиса поняла пронзительно и ярко, что мать уже никогда не будет мучить аллергия, и никогда не помешает распутица.

На холмики жирной земли летели новые комья, заваливая соседние могилы – такие же свежие, такие же чёрные... А

Алиса не хотела смотреть на гроб, стоящий невдалеке. До кладбища ей наедине с ним не позволяли остаться сердобольные старушки-соседки, а теперь уже не хотелось. Её настигло понимание «Никогда» и того, что оно актуально лишь для живых. Мёртвым всё равно. Им «никогда» не приносит боли, и это их счастье.

– У неё никого больше нет. Оба родителя были приезжие, родственники далеко, связь с ними потерянна, – продолжал шептать угрюмому незнакомцу Святослав Семёнович. – А девочке всего четверть в школе осталось до конца неполной средней и куда она? Хорошая девочка, спокойная, волевая. Нехорошо было бы потерять...

Батюшка, невесть кем вызванный из ближайшей церкви, хорошо поставленным басом затянул речь, в которой Алиса не могла различить ни слова, а суетливые, чуть подвыпившие работники кладбища подхватили верёвки и протянули под гробом. Провожающие – соседки да приятельницы мамы по работе – подошли ближе.

–«Вот и всё, – подумала Алиса, – Последняя четверть. Нужно искать работу. Где у неё лежала сберкнижка? А Пашка, зараза, не пришёл. Интересно – меня отправят в детский дом или я уже взрослая? А весна в этом году поздняя...».

Она размышляла, а в грудной клетке громко тукало: «Никог-да, ни-ког-да, ни-ког-да».

– Алисочка, деточка, – Марья Матвеевна из четвёртого подъезда подошла сзади и зашептала жалостливо, со всхли-

пом: – Ты ж не стой, деточка. Ты землю возьми да кинь на гроб. Положено так. За-вроде как пухом покрываешь.

Алиса послушно наклонилась и подняла комок жирной земли. По пальцам раскатилась влажная прохлада, налипла, словно тесто. И Алиса замерла, вглядываясь в чёрную массу в ладони.

– Вот видите? Видите?! Я же говорил! – взволновано шептал Святослав Семёнович неизвестному. А тот подался вперёд из тени, внимательно вглядываясь в закаменевшую девочку, казалось, размышляющую над чем-то. Но Алиса не размышляла. Мыслей не было. Только ощущение – яркое, заполняющее всё её существо – чувство земли в руке. Она не просто ощущала, она всем телом чувала холод и влагу, жирность и рыхлость каждой крупинки...

– Деточка, – всплеснула руками Марья Матвеевна, – да что ж ты?! Тебя ж все ждут!

Алиса вздрогнула и швырнула комок вниз. Земля гулко шлёпнулась на дощатую крышку. И тут же священник вновь забасил, а пришедшие проводить женщины начали бросать комья и отходить. Алиса тоже отступила.

– Что скажите? – встревожено спросил Святослав Семёнович.

– Подходит, – ответил незнакомец. И в его голосе Алисе послышались металлические нотки вынесения вердикта. Она обернулась, чтобы посмотреть на того, кто осмеливался решать, чего она стоит, но удивлённо застыла. Успев непри-

метным движением развернуться, неизвестный уже шагал по основной аллее кладбища, неумолимо отдаваясь. Всё, что Алиса успела заметить, лишь крепкую коренастую фигуру, коротко стриженную голову на толстой шее и тяжёлый шаг уверенного в себе человека.

Спустя сутки прибыла машина, и Святослав Семёнович, любимый учитель по православной этике, не отходивший от Алисы всё время с момента смерти матери, передал воспитанницу молчаливым мужчинам в чёрном, пообещав, что «всё будет хорошо».

...

3. Прогулка

Чёрное длинное платье с широкой юбкой, но без рукавов. Красная рубашка, узлом завязанная под грудью. На ногах ботинки с высокой шнуровкой. Плеер на поясе и лёгкий рюкзак на одном плече. Алиса посмотрела на себя в зеркало и поправила прядь спавших волос. Прогулка обещала быть долгой.

На улице стало прохладнее и темнее, хотя город ещё жил полной жизнью – светились вывески магазинов, кафе и развлекательных центров, возле которых скапливались люди, по освещённым паркам и аллеям бродили парочки, по дорогам мчались машины. Алиса шла, не задумываясь о маршруте, как всегда, по наитию выбирая следующий шаг. Ей захотелось посмотреть подсветку дальнего памятника – прошла к нему и полюбовалась. Захотелось пить – дошла до кафе. Потом потянуло в сторону большого городского озера, откуда доносилась громкая ритмичная музыка. Она шла, казалось, без цели. Но в голове неотступно возникали план города, схемы дорог, фотографии домов и мест преступлений. Не зная адресов, она шла, точно чувствуя зов прошлых трагедий.

Ещё налево, поворот направо к странно изогнутому топию, потом за ряд гаражей...

Вытащив наушники, Алиса осмотрелась. Она не взгляды-

валась в окружающий мир – понимала, что это бесполезно и за давностью ничего нового ей не узнать. Она осязала, она пропитывалась чувством места, ища отличия, заставившие сатанистов выбрать для мессы именно его. И запоминала ощущения.

Запах машинного масла и полыни. Ветер вдоль гаражей. Гаражи повсюду. Ощущение пустоты, тянущей живот вниз и лёгкое свербение в ладонях. И неуловимое почти чувство одиночества.

Снова одела наушники и повернулась на выход из тупичка. Следующее место должно быть в другом углу района. Теперь дорога шла прямо по проспекту – хорошо освещённому и полному прогуливающимися людей.

Алиса взглянула на фонари вдоль дороги, уходящие вдаль жёлтыми бусинами, и снова включила плеер. По ушам жёсткой тёркой ударил тяжёлый металл, и тело само запросило движения. Ей нравилась музыка для войны, и это иногда угнетало ощущением своей греховности, но вот в такие дни, когда война становилась реальностью, иного и не хотелось.

Она шагала в темпе, бьющейся в голове сотней взрывов, мелодии, а взгляд её скользил поверх лиц прохожих, такой отстранённый, такой чужой, что у встречных появлялось желание уступить дорогу. Во взгляде Алисы читалась юность – жестокая подростковая магия желания боли и любви, когда и то и другое одинаково желанно. И никому не хотелось быть причиной ни первого, ни второго.

Когда свернула с проспекта под старинную арку во дворы, приглушила звук, но выключать любимую мелодию не стала. Место оказалось пустынным – среди брошенных зданий, на подгнившей сцене поломанной детской площадке. Полгода назад, именно здесь местные бомжи нашли приколотую клинками к земле, словно бабочку, распятую девушку.

Алиса огляделась, запоминая место и ощущения от него. Холод, сырость, запах старости и усталости, пустота под сердцем и тоска.

До третьего места добиралась почти час по дворам, внутренним чутьём выбирая путь среди домов, гаражей и малопроходимых участков, заставленных машинами и заваленных мусором. Для Алисы это не было новостью – где бы ей ни приходилось работать, она всегда замечала, что окраины городов отличались грязью и непланомерными застройками, и потому притягивали духовные отбросы человечества.

На саму точку вышла неожиданно – завернула за угол и оказалась там. Край заброшенного парка, поваленное чугунное ограждение, сколотые кирпичи столбов, огромные массивные деревья в два-три обхвата. И компания крепких бритоголовых парней, по очереди пинками отправляющие пивные бутылки из неаккуратного рядка в каменную кладку возле низкорослого шиповника. Бутылки впечатывались в кирпичи и разлетались осколками. Алиса тенью скользнула за спинами увлечённых забавой мужчин. Ещё несколько шагов, и они останутся так далеко сзади, что расстояние ото-

бьёт у них желание искать в уходящей жертву на вечер. Ещё шаг... Новая бутылка, сверкнув боком в неярком свете, отлетела к кустарнику и с немелодичным звоном разбилась. Куски брызнули в стороны. А за кустарником вздрогнуло что-то живое, испуганное, сжатое в комок, забившееся и кусающее кулак, чтобы не кричать.

Алиса остановилась. Вытащила наушники. Рванула шнур из гнезда и прибавила громкости плееру. Музыка для войны. Добротный динамик задрезжал, гвоздями вгоняя в мужской пьяный смех соло старого доброго рока. И Алиса почувствовала, как биение динамика задаёт ритм для будущего движения. Но сперва нужно было прислушаться, поймать темп, поймать ощущение.

По бледным впалым щекам висящая на блестящих ниточках подтёков влага.

Расправляющиеся плечи деланно лениво разворачивающихся парней.

Ветер, легкой рукой трогающий волосы.

Равнодушный мутный оконный свет хрущёвок.

И ещё – взгляд. Пустой. Спокойный. Посторонний.

Она на мгновение запнулась, почувствовав этот взгляд в спину. Взгляд небрежный, но от ощущения того, что его обладатель понимает и предчувствует её действия, засвербело в пояснице тонкой струйкой пота. Ей захотелось переиграть происходящее, остановиться, отшагнуть, нажать клавишу отмены...

Сзади окликнули.

И она обернулась, уже создав на лице тренированную улыбку. Удивление, наивность, доверчивость сливались в один образ милой девочки. Сейчас её бы не узнал давешний священник-волонтер, и, приняв за подростка, мягко пожурил бы за шатание по городу в комендантский час и за руку отвёл домой. Хотя – нет. Не удалось бы ему взять её за руку. Девичье тело уверенно наливалось мощью, невидимой снаружи, и готовилось к рывку. Состояние перестройки уже давно вошло в привычку и не меняло пульса Алисы. Просто ещё один рывок. Ещё одна игра на поражение.

– Ты!

Пошатываясь, один из парней двинулся к ней.

«Главарь. Приоритетная цель», – равнодушно определила Алиса, тренированно вскидывая удивлённые глаза и двигаясь к противнику.

Стронулся с места ещё один.

«Шестёрка. Последняя цель» – отметила Алиса, зацепив его краем взгляда, но смотря на главаря, шаря руками по поясу и промахиваясь мимо плеера, словно не в состоянии нащупать и выключить бьющую по ушам музыку.

– Выруби музон, дура! – рявкнул главарь.

Алиса смущённо пожала плечами, показывая, что ничего не слышит.

Главарь сплюнул и шагнул ближе.

Ещё двое шагнули за ним.

«Вторичные цели», – отметила Алиса: – «Если девочка в кустах сообразит и побежит – обойдёмся бла-бла...»

– Ты!

Главарь потянулся к ней, намереваясь сорвать плеер с пояса. Плеер Алисе было жалко, но ради лишних секунд для притихшего за кустами испуганного создания, она могла себе позволить эту потерю. Серая в неверном свете рука потянулась распахнутым спрутом, замедленно проплывая к её животу. Эта рука не представляла опасности, и Алиса лишь едва сдвинула корпус, позволяя схватить плеер вскользь, так и не прикоснувшись к телу. Ладонь рванула аппарат, и ремень натянулся, сдавливая талию. Трах! – поясок не выдержал, разорвавшись. Секунда – и оружий динамик хрястнулся об асфальт и затрещал под неистово бьющим каблуком. Музыка заглохла.

Главарь сплюнул под ноги на черные и блестящие осколки и набычился на застывшую девушку. Алиса подняла глаза, и он опустил кулаки, неуверенно поводя плечами. В огромных девичьих глазах плескалась море детской обиды и одиноким парусником качался вопрос «За что?».

Существо в кустах зашевелилось, но двинулось не в сторону освободившегося выхода из парка, а к намечающейся драке. Это уничтожило последние сомнения в Алисе – «бла-бла не обойдётся».

Она опустилась на корточки, разглядывая детали плеера россыпью на асфальте. Мужчины перед ней остановились –

для них ещё оставалось неравнозначным футболивать бутылки пива или бить беззащитного человека ногами. И эта заминка их спасала.

Алиса распрямилась пружиной. Всё, что успел увидеть главарь – белое лицо с застывшей полуулыбкой и прикрытыми глазами, внезапно появившееся из темноты. Ударившую снизу вверх в горло руку заметить уже не мог. Да и никто, наверное, не смог бы... Спустя доли секунды главарь безвольным мешком свалился на дорогу, закрывая своим оплывшим телом дорогу «шестёрке», ещё изумлённо застывшему на месте.

Второй удар Алиса направила вправо. Рывок – пальцы коснулись нервного узла, с хирургической точностью нащупав его в путанице сосудов и мышц. Молодой мужчина рухнул, завалившись назад.

Прыжок – ладонь вошла в шею едва успевшему приподнять руки третьему, умело ткнув в нервный узел, словно щёлкнув выключателем. Человек оплыл, ноги подогнулись. Упал.

Алиса повернулась к «шестёрке». Побегит – хорошо. Не побегит...

Он побежал. Сумасшедшим взглядом мазнул по белому кукольному лицу и рванул на выход, едва вписываясь в поворот за воротами.

Всё.

Прикрыв глаза, Алиса замерла на мгновение, выходя из

боевого режима.

– Будем считать это разминкой, – проворчала она едва слышно, внимательно прислушиваясь к ощущениям тела. Взгляда, так тревожившего её перед «разминкой», теперь она не ощущала. Одновременно это и напрягало и успокаивало.

Подошла к кустам.

– Эй? Выходи. Ты в безопасности.

Ветки зашевелились, выкатились мелкие камешки на асфальт и из-за покорёженного шиповника вылезло существо, которое более напоминало животного, чем человека. Длинные всклокоченные волосы, пропотевшие лохмотья, грязное воняющее помойкой и гноем тело.

Алиса вскинулась:

– Бет?!

Гневно зашипела и плюнула в его сторону.

Существо отшатнулось, закрываясь руками, словно от летящего камня. Но это только больше разозлило Алису.

– Тварь! – бешено зашипела она. – Если бы я знала!..

Одним едва заметным прыжком подлетела к грязному созданию и пнула ногой, не особо целясь, зная, что всё равно попадёт – у выродков всё тело всегда болит и ломит. Так и получилось – «бет» взвыл и, словно собака от пинка, загрёб всеми четырьмя, чтобы вновь скрыться в кустах.

Алиса шагнула следом – в ладони появился, словно из ниоткуда, чёрный метательный нож.

Бет вскрикнул, непонятно как заметив в темноте оружие с антибликовым покрытием, и, петляя, рванул на четвереньках к выходу из парка.

Взъерошенное, драное создание бежало вдоль старой кирпичной кладки забора, а нож Алисы то взлетал в воздух, то опускался в руку, надежно прихватывающей рукоять. Алиса размышляла. И, когда бет высунулся в ворота, став на мгновение хорошо виден на фоне серого асфальта дороги, решение уже было принято. Она остановила быстрое движение и опустила руку. Пусть бежит. Бету некуда скрыться в этом мире ни от людей, ни от себя.

...

4. Странный

Последние точки проведения обрядов Алиса обошла за несколько оставшихся до рассвета часов. Везде, вроде бы, одно и то же – разруха, мусор, малолюдьё, но она так и не смогла найти логики в выборе сатанистами мест ритуальных убийств, не смогла вычлениить тот особенный элемент, который бы отличал эти места от тысяч таких же, разбросанных по нищим районам города. И это наводило на печальные размышления.

Обратно в убежище она вернулась одновременно с тем, как солнце показало багряный край над горизонтом и окна домов окрасились в красное золото. Начинался ещё один день убийственного зноя.

Дома – бутылочка тёмной жидкости. Заглянула в сеть, но «Гроссмейстер» уже отсутствовал. Спать не хотелось, поэтому взялась пересматривать карты незнакомого ей города, чтобы найти логику в действиях сатанистов. Работала без воодушевления, не особо рассчитывая на результат. На экране мелькали карты, перед глазами стояли фотографии и схемы, в памяти всплывали образы только недавно посещённых мест. Открыла сайт погоды и лишний раз убедилась, что до полнолуния осталось совсем немного – два дня. Уже в эту ночь луна стала округлой.

Чтобы развеяться, встала, помахала руками, плавно дви-

нулась, разминаясь. Едва приметное движение – в ладонях появились ножи. Окидывая взглядом квартиру, Алиса перебрасывала клинки в руках – подкидывала и хватала уже в обратном положении, потом снова подбрасывала. Появлялось ощущение, что нож просто висит в воздухе, и только рука ходит вокруг него туда-сюда, чтобы взять точно за рукоять. Наконец Алиса нашла то, что искала – косяк двери вполне подходил для метания.

Раз! Бросок!

Два! Бросок!

Снова нырок руки к телу и новые ножи появились из складок платья.

В этот раз бросила одновременно.

Четыре ножа лепестками нераспустившегося бутона засели в деревянном косяке. Алиса направилась забрать оружие и услышала тихий шорох под дверью. Взяла два ножа и скрыла в волнистых складках широкой юбки. К двери подходила осторожно – переставляя босые ноги крест-накрест, наступая сперва на ребро стопы, а потом умело перекатываясь с пятки на носок – ни одна из певучих досок прихожей не скрипнула под её шагами. Подойдя к двери, прислушалась на мгновение, и, не услышав больше ни звука, рванула дверь.

Солнце. Листья. Жидкий дощатый забор. Заросшие дур-травой заброшенные грядки. Земля, забывшая хозяйскую руку. Каменная тропинка до калитки. Рассохшееся крыльцо. И пушистая рыжая мордочка котёнка, выглядывающая из-за

ступеньки. Алиса хмуро огляделась – вокруг никого. Присела на корточки, протянула руку, и котёнок тут же вылез на крыльцо и потянулся носом к ладони.

– Ну и как тебя занесло сюда? – задумчиво спросила Алиса. – Где твоя мама? Где хозяйева?

Котёнок понюхал пальцы и шерстка его стала приподниматься от напряжения, он вытянулся на лапах, пытаясь выгнуться, как взрослый, но только странно раздувшись.

Алиса усмехнулась:

– Что, животина, плохо пахнет? Так не всем молоком пахнуть... Кто-то должен и вот так.

Поднялась и ушла в дом. Котёнок же не убежал, продолжив, любопытствуя, обнюхивать косяки двери. Вскоре Алиса вернулась, неся тарелочку из найденного в шкафу старого сервиза. В нём густой лужей растекался йогурт.

– Вот, рыжик. Больше ничего нет.

Котёнок привередничать не стал – голодное брюхо сразу заставило забыть о неприятном запахе, идущем от рук, подавших еду. Рыжая пушистая мордочка сунулась в розовую массу и маленький язычок жадно заработал, слизывая йогурт с тарелки.

Алиса присела на самый край крыльца, подальше от малыша, и замерла, стараясь не мешать. Нечасто ей удавалось вот так отдохнуть душой. Котёнок ел, растопырив все лапы, словно боясь, что упадёт на еду и не сможет съесть всё. И прямо на глазах надувался – рыжие пушистые бока раздава-

лись, хвостик опускался. Чтобы доесть последнее с тарелки, «рыжик» решил забраться внутрь и наступил передней лапой на край. И перевернул бы её, но Алиса выстрелила рукой и успела положить палец на другую сторону блюда. Малыш дошёл до самых последних сладких кусочков, слизнул и тут же, не вылезая, бухнулся, тяжело поводя раздутыми боками. Тихо засмеявшись, Алиса почесала котёнку пузо, пока он не обращал внимания на её присутствие. На рыжей мордочке приоткрылся глаз и снова закрылся.

– Обжорка, – покачала головой Алиса.

– Доброго утра, хозяйка!

Напряжённым комком Алиса вскочила на ноги. Редко кто мог подойти к ней настолько тихо. Это внушало серьёзные опасения.

За калиткой стоял пожилой человек в рясе с широким крестом на груди, и Алиса, прежде чем ответить, замерла, настороженно оглядывая его. Невысокий, худощавый, скорее высушенный годами, чем худой от рождения, с лицом, изрезанным морщинами, и дряхлыми тонкими руками. Именно эти руки, небрежно положенные на доски дверцы, и почти успокоили Алису. Тонкие запястья с опухшими большими суставами никак не походили на руки бойца.

Старик улыбнулся:

– Я не вовремя? Я просто проходил мимо и увидел вас. Понимаете, дом давно пустует, и я уж думал, совсем никто в нём не поселится...

– Здравствуйте, – наконец разлепила губы Алиса.

– Вы позволите? – не дожидаясь ответа, он открыл ветхую калиточку и вошёл во двор. – Да вы не бойтесь! Я – отец Владимир, священник тутошнего прихода и наставник здешней школы. . . Не смотрите, что район вымирает – детки тут есть и им тоже надо учиться, вот я и учу счёту да письму. А у меня тут церковь, – старенькая, уже ветшалая, но большая, старой постройки, даже с колоколенкой, но звонарь умер по старости и лестница обвалилась, вот и нет звона малинового по утрам теперь. Да и собирать им уже некого. . .

Священник дошёл до крыльца и присел с другой стороны от тарелки с разлёгшимся котёнком. Сел и пальцем пощекотал малышу под горлышком. Котёнок, не открывая глаз, замурлыкал. Отец Владимир поднял на Алису глаза – серые, выгоревшие глаза старца:

– А вы, наверное, родственница Ангелины Павловны?

– Да, – кивнула Алиса и села со своей стороны от котёнка. Её уже начала напрягать тихая улыбка отца Владимира. Она не походила на профессиональную, была слишком искренней, слишком мирной. А врать таким священникам Алиса не любила.

– Внучка?

– Внучка, – вздохнула Алиса и представилась, понимая, что теперь священник не уйдёт, не поговорив с новенькой на территории своего прихода. Оставалась надежда, что внучек у неизвестной ей Ангелины Павловны народилось много, и

всех священник мог не знать.

– И надолго вы, Алиса? – спросил отец Владимир, с улыбкой поглаживая сытого малыша и доводя его мурлыканье до срывающегося по малолетству истомного рыка.

– На пару дней.

– Это правильно, – вздохнул священник. – Правильно. Если есть возможность уехать – надо ехать. Если есть возможность сделать свою жизнь – надо делать. А тут не получится. Все, кто мог, уже уехали. Остались только те, кто хочет помереть здесь. Для кого тут – родина.

Алиса молча наблюдала за руками гостя и слушала.

– Думаете, Алиса, какой странный священник, да? – улыбнулся отец Владимир и сам себе покивал: – Да, да. Положено выслушивать исповеди, сердцем облегчать понимание, а он тут разговорился так, что рта не даёт открыть.

Возразить даже ради приличия она не успела. Гость махнул рукой и снова улыбнулся:

– Странный, да, Алиса, странный. Не спорьте. Вам, современным, мы все странными кажемся... Посмотрите вокруг, – он провёл рукой и Алиса безотчётно, словно под влиянием «приказной речи», огляделась. – Видите заборчик? Весь покосился, штaketник уже погнулся от дождей, надо бы менять, да некому. За ним, всего в метрах ста, вон за тем домиком, уже проходит автострада, сюда тянут дорогу... А в другую сторону посмотрите – там ещё стоит старая колонка, и из неё берут воду в те дома, куда воду так и не провели. А

тут ваш домик... Старый, но крепкий. Стоит, ветшает поменьку... Так всегда бывает, когда нет хозяина. Дома очень быстро теряют волю к жизни, если рядом нет людей, – отец Владимир нахмурился, думая о чём-то своём, потом усмехнулся невесело: – Оттого и странные. Живые и мёртвые в одном месте, друг друга поддерживающее. Отмирающее прошлое и задавливающее будущее. Философия прошлой жизни – вот и всё, что укрепляет нас в вере и надежде. Философия да традиции... Раз гость приехал, то ему и почёт, и помощь – таков закон гостеприимства. А чем тут помочь, если девушка в трауре да с такой печальной улыбкой кормит котёнка на пороге заброшенного дома? Сразу понятно – не от счастливой жизни такое. Вот и надо познакомиться, да о себе рассказать. О своих бедах. Может, захочет поделиться в ответ...

Смотреть на неё священник не стал, не захотел подталкивать к выводам и действиям, а занялся котёнком, заботливо взяв его на ладонь и переложив себе на колени. Алиса опустила глаза, рассматривая складки чёрного платья. «Вот как, – подумала она, – Траур... Но, может, он не так уж и не прав? Только траур не по кому-то конкретному. Может, по себе? Или по тем, кто?»

Кивнув своим мыслям, Алиса поднялась и пригласила гостя в дом. Отец Владимир с радостью согласился, прихватив на ладонях спящего котёнка. Проходя мимо косяка с торчащими в две стороны боевыми ножами скрытого ношения,

покачал головой, но промолчал.

«Странный, – подумала Алиса. – Странный, и от того – опасный». Но не настолько, чтобы не попить с ним чай.

...

5. Разговор

Когда прошли на кухню, Алиса предложила гостю подождать, а сама вышла и кинулась шарить в платяном шкафу в поисках мягкой материи. В результате придирчивого отбора взяла старую кофту цыплячьего цвета, свернула мягким пуфиком и положила на кухне в угол. Отец Владимир, мгновенно сориентировавшись, бережно положил на импровизированную подстилку спящего котёнка. Сытый малыш даже не проснулся. Отец Владимир поднял голову, улыбнувшись Алисе, и та не сдержала ответной улыбки. И тут же, словно смутившись, спохватилась и занялась чаем.

В чужом доме Алиса более-менее освоилась ещё в первые часы после приезда, поэтому очень уж растерянно шарить по шкафчикам в поисках подходящей посуды не пришлось. Пока закипал старенький чайник со следами пайки, Алиса разложила на столе скудные запасы: с десятков галетного печенья и несколько конфет. Зато чашки и блюдца для чая оказались знатными – тонкий фарфор шоколадного цвета с изящным рисунком белоснежных лилий, покрытых брызгами золотистых пылинок на лепестках. Отец Владимир долго крутил в руках чашечку, качая головой в восхищении, да и самой Алисе приятно было сознавать, что она действительно собирается сесть и попить чай, как это бывает в семьях или среди близких знакомых людей... Вместо того, чтобы вновь

питаться только поддерживающим бульоном и хватать куски на бегу, наконец, она никуда не спешила и могла себе позволить несколько минут спокойного чаепития.

– Вы, Алиса, наверное, студентка? – спросил отец Владимир, заметно тяготясь молчания.

– Заочница, – коротко ответила она.

– А специальность?

– Учитель духовной этики.

– О! – отец Владимир изумлённо всплеснул руками, откидываясь на спинку стула. – Так мы с Вами коллеги! Я лет пять преподавал закон божий, а потом, как школу закрыли, стал преподавать тутошним деткам все предметы, что требуются для поступления в среднюю школу. Может, захотите остаться на время – рассказать деткам что-нибудь? Им будет интересно увидеть новое лицо!

Чайник закипел, и Алиса поспешила открыть шкафчик, чтобы найти заварку – точно помнила, что она была. Жестяная коробочка с рисунком слона оказалась в самом дальнем углу. Алиса вытащила, открыла и переложила в чайничек пару ложечек сухих листьев.

– Я понимаю, – улыбнулся гость. – Это неожиданное предложение, да и время требует и силы... Но вы, Алиса, подумайте. Дети везде дети, и те, кому вы будете преподавать потом, и те, с которыми можете сейчас пообщаться. И если в сердце есть любовь к ним – а она несомненно есть, – то нет разницы, кто будет перед вами...

Алиса молча разлила заварку по чашкам и подлила кипятка. Заговорила, только сев на стул возле окна маленькой кухоньки, из которого легко просматривался сад и вход во двор.

– Дело не в том, бедные они или нет, – сказала она, не глядя на гостя. – Просто я плохой учитель. Скажем даже так – я поступила на тот факультет, на котором у меня была возможность делать как можно меньше, а оценки получать неплохие.

Священник удивлённо приподнял бровь, задумался.

– Алиса, не сочтите мой вопрос...

– Нет, я не имею склонностей к преподаванию и получаю оценки просто по «блату», – вздохнула она и криво усмехнулась – Не беспокойтесь, я не настолько лжец и не собираюсь работать учителем там, где действительно нужны знания. Просто требуется какое-никакое образование...

Закинула в чашечку пару ложек сахара, удивляясь странному травяному запаху чая, несколько знакомому, но ещё не узнаваемому. Отец Владимир тоже едва заметно принюхался к своей чашке, но ничем не выказал неудовольствия. Запах свежести и мягкости обволакивал, но странно вызывал тревогу. Гость первый отхлебнул из своей чашки и потянулся за печеньем. Алисе ничего не оставалось, как тоже глотнуть своего чая. Тягучей горечью опалило рот. Лицо мгновенно исказилось, побелело и покрылось испариной. Горло словно схватило тисками и сердце забултыхалось в грудной клетке.

Скрюченными руками она потянулась через стол к священнику, спокойно наблюдающему за ней, склонив голову. Но не достала – ладони, трансформируясь, почти дотянувшись до края столешницы, скребнули по деревянному столу, пробороздив полосы, и заостенели в напряжении. Алиса потеряла сознание.

Когда она очнулась, долго лежала, не шевелясь, стремясь в полной неподвижности успеть осознать своё новое положение.

Она лежала в углу комнаты, неловко скрючившись. Руки и ноги умело стянуты широким скотчем с начертанием неясных символов, полукругом вокруг стоят свечи, лежат свитки с письменами, от которых на неё веяло горячим воздухом, а за ними простиралось широкое свободное пространство, усыпанное солью. Её священник не пожалел, усыпав чуть ли не весь пол комнаты – невдалеке лежали горкой смятые мешки, и несколько целых, оставленных про запас. Сам отец Владимир сидел перед кемпинговым стульчиком с ноутбуком и шарил среди её файлов. В одной руке держал чашку с нарисованными лилиями, другой сноровисто двигал мышью. На носу сидели очки, лоб хмурился, и уже не было постоянной мягкой улыбки – только морщины возле сурово сжатых губ оставались. Но окончательно Алиса поняла, как ошибалась, когда увидела, что священник сидит на коленях и пятках, как отдыхают народы дальнего востока. И было хорошо заметно, что для гостя, внезапно оказавшегося противником,

эта позиция привычна и удобна, даже несмотря на весьма преклонный возраст.

– С пробуждением, нечисть, – холодно поприветствовал отец Владимир, не отрываясь от рассматривания на экране чего-то, невидимого девушке. – Итак, ты студентка педагогического, тебе по документам восемнадцать лет, ты родом из Рязани, чистокровная русская, приехала сюда позавчера на вечернем поезде, от которого сохранился билет, любишь играть в сети в шахматы, много общаешься с неким Гроссмейстером и к нему равнодушна. Твоя электронная библиотека состоит из книг, часть из которых верующим запрещена для чтения, а из музыки ты предпочитаешь бунтарский рок прошлого века. Также знаю, что свой компьютер ты чистишь очень тщательно, не оставляя никаких рабочих документов. Теперь я хочу услышать то, чего не знаю.

И повернулся к ней, приподняв очки. Два старомодных поблёскивающих кружочка зависли на морщинистом лбу.

Алиса смотрела прямо, неохотно признаваясь себе, что не разглядеть ловушку было полным дилетантством. Наконец, молчать стало уже невыносимо.

– Что это было? – хрипя напряжённым голосом, спросила она.

– Цветы дикого чеснока и лепестки ночной розы.

Алиса стиснула зубы – судя по всему, ему хватило времени, пока она возилась с лежанкой для котёнка.

– Как вы убедились?

– Дом, который ты выбрала для лежбища, является собственностью церкви, – священник обвёл пальцем окружающее, – и раньше принадлежал Марфе Сергеевне, моей прихожанке.

Отвела взгляд – так просто попалась, не удосужившись выучить имени бывшей хозяйки дома...

– За что?

Священник удивлённо приподнял брови:

– Здесь тоже живут люди, нечисть. И я призван пастырем им.

– Понятно, – Алиса закрыла глаза и облизала губы.

Отец Владимир закрыл крышку ноутбука и, поднявшись, подошёл ближе к девушке.

– Надеюсь, объяснять не нужно, что, если я не услышу ответов, то вполне могу принять на себя ответственность экзорциста, заранее считая твоё появление тут несанкционированным?

Алиса дёрнулась, открывая глаза. Снова облизала кровоточащие от болезненной сухости губы.

– Кто вы?

– Ты отравилась, а не память потеряла! – холодно усмехнулся отец Владимир.

– Я помню, – прошептала она. – Но обычный приходской священник не способен...

Священник посмотрел на неё, прищурившись, и покачал головой:

– Тебе будет легче, если я назовусь инквизитором? Или уполномоченным на отчетку и упокоение нечестии? Или миродарителем?

– Будет.

Отец Владимир пожал плечами и сухо произнёс:

– Это был риторический вопрос, но раз ты ответила, то не стану скрывать.

Он распахнул пиджак и расстегнул рубашку. Белый рубец известной формы всё объяснил ей.

Бывший инквизитор. Если инквизитор может быть бывшим...

Алиса облизала губы вновь – кровь из трещин не унималась, просачиваясь и стекая неровными тончайшими струями-нитями на подбородок. Убрать их не было возможности, и это занимало её мысли не меньше, чем поставленный выбор или продолжающееся жжение в глотке.

– Нечисть, у тебя мало времени, – отец Владимир подошёл ближе, и соль заскрипела под мягкими подошвами сандалий. – Я не склонен задерживать брренное существование тебе подобных в земной обители. Кто ты? Кто тебя инициировал? Откуда ты сбежала?

Девушка прикрыла глаза и выдохнула:

– Алиса Горская, инициатор, рязанская епархия, отряд владыки Мирослава Бородинского. Здесь нахожусь по послушанию владыки, для устранения или инициации группы лиц, производящих богомерзкие обряды с истязанием лю-

дей. Всё.

Отец Владимир отошёл и сел за стол, задумчиво погладил по мощной дубовой столешнице, словно пробуя ладонью деревянные волокна.

– Многое изменилось за годы, – усмехнулся он нехотя, – если в инициаторы стали брать девок! В мои времена инициаторами становились только мужчины старше пятидесяти и с хорошим бойцовским опытом.

Алиса не ответила, оставшись безучастна. Священник кинул на неё задумчивый взгляд и продолжил:

– Допустим, ты инициатор. Как подтвердишь?

Не открывая глаз, Алиса отозвалась, медленно и неохотно проговаривая слова:

– Если вы были инквизитором, то для вас не секрет, что инициатор проводит разведывательную работу самостоятельно, поскольку имеет для этого подготовленное мышление. Для того, что бы не сковывать действия инициатора, а также отвести от Матери нашей Праведной Церкви подозрения, действия инициатора не сопровождаются документацией.

Отец Владимир кивнул, соглашаясь, и прошёлся по комнате. Соль мерно заскрипела.

– Однако, известно, что инициатор не работает один, а всегда находится под контролем Инквизитора. Где он?

– Не знаю, – отозвалась Алиса, снова облизав губы. – Я думала, что это – вы.

Священник задумчиво отошёл к окну и взгляделся в тихо шелестящий сад.

– Подождём. Если кто-нибудь дёрнет твой поводок, то я освобожу тебя. Если нет – пеняй на себя, тебе зачтётся и ложь.

– Я не лгу, – устало отозвалась Алиса. – Вчера я получила задание, в ночь прошла точки обрядов. Послезавтра – полнолуние и может произойти ещё одно убийство, если я не высчитаю его место и не остановлю ублюдков.

Священник, не оборачиваясь на пленницу, поморщился:

– Выбирай слова, нечисть. В отличии от тебя, это – люди. А ты, хоть и, возможно, на службе, но тварь бездушная.

– Пусть так. – Алиса едва заметно пожала плечами. – Если я не остановлю их, то будет ещё одна смерть. Скажите, отец, что больше отяготит Вашу душу – гибель невинной девушки на сатанистском ритуале или радость от моего убийства?

Священник чуть повернул голову, краем глаза наблюдая за девушкой, явно впадающей в сонное состояние.

– Если твой ведущий проявится быстро – ты успеешь.

– Если... – ответила она. – Я – существо бездушное. Пусть ваша душа, отец, принимает ответственность. Вы – человек.

И закрыла глаза.

...

Воспоминание о Восхождении

– Вставай, детка.

В этот раз девочек поднимала сестра Софья, добрая старушка, пользующаяся всеобщей любовью. С подносом в руках, она проходила возле коек и, трогая за плечо каждую из послушниц, уходила дальше, оставляя на тумбочки стаканы с минеральной водой из монастырской скважины. Вода всегда была свежей, студёной настолько, что сводило зубы, и едва отдавала вкусом тухлятины, но, как им объясняли, от этого менее живительной не становилась.

Скинув тонкое шерстяное одеяло, Алиса в десяток мелких глотков сцедила свою порцию и начала быстро одеваться – в помещении итак было прохладно и влажно, от ледяной воды начинало лихорадить, и по опыту она знала – чем быстрее окажешься на улице, тем быстрее сможешь согреться движением. Надела тренировочные брюки и рубаху, поверх них – подрясник, подпоясалась и, не оглядываясь на так же быстро и молча собирающихся девочек, выскочила из спальни.

Только во дворе поняла, что ещё глубокая ночь. Звёзды сидели в прорехах меж туч огромными пятнами, чуть подрагивая от гонимой ветром дымки. Хлопая себя ладошками по плечам и прыгая на месте, девочки ждали наставника, ради которого их подняли в неурочное время в хмурую осеннюю

ночь. Впрочем, об урочном времени им пришлось давно забыть. В первый же день в монастыре мать Ольга попросила всех новоприбывших отдать ей на хранение свои часы, а потом показала на настенный хронометр и сказала: «Для вас есть только Жизнь и Смерть. А всё что между ними – Время. Научитесь его ценить, а не считать». С тех пор о том, когда есть, когда спать, когда бежать на уроки, они узнавали только от старших сестёр.

Во двор вышла настоятельница мать Ольга, – чрезмерно дородная и оттого страдающая телесной немощью женщина, – на зависть послушницам одетая в рясу и добротный овчинный полушубок. За ней мелкими шажками двигалась сухонькая старушка, так не похожая на прежних наставниц группы. Может быть своей раскованностью или тем, что, ни на шаг не отставая от игуменьи, она и не опережала её, когда та останавливалась, не в силах совладать с оплывшими ногами на неровностях каменного двора. И лицо у новой наставницы было особым – спокойным, едва приметно улыбающимся, а не с вечно недовольными опущенными уголками рта. Девочки без команды споро встали в шеренгу и нестройно поприветствовали мать игуменью – зубы не попадали на зубы от холода. Мать Ольга строго оглядела строй и, со значением подняв вверх указательный палец, произнесла:

– Сестра Пелагея. Ваш новый наставник.

Мать Ольга ещё раз оглядела строй, нахмутив широкие брови, словно предупреждая послушниц о тщании и усердии

в овладении новой наукой, и, величественно кивнув сестре Пелагее, направилась обратно в помещение, где, возле входа, её ждала помощница с шалью в руках.

Сестра Пелагея не стала ждать, когда она уйдёт. Подошла ближе и улыбнулась:

– Замёрзли, девочки?

– Замёрзли, – разноголосьем зажатых от холода голосов, ответили послушницы.

– Сейчас погреемся, – кивнула сестра и скинула рясу, под которой оказалась такая же чёрная тренировочная форма, как у учениц. – Снимайте!

Девочки одна за другой начали раздеваться, с неохотой вылезая из уже нагретых одежек. Когда все остались мёрзнуть в тонкой форме, сестра Пелагея просто предложила:

– Побежали?

И первая рванулась в сторону задней калитки. Девочки, сбиваясь с ритма и спотыкаясь костенеющими ногами, побежали следом. Сестра Пелагея бежала легко и воздушно, казалось, что её что-то поддерживало на весу или помогало оттолкнуться от земли, настолько у неё это выходило ладно. Выбежав за калитку, она не повела группу по обычному для них утреннему маршруту вокруг ограждения, а, вместо этого, направилась в сторону гор, у подножья которых и располагался монастырь и их, базировавшийся на его территории, женский подростковый религиозно-спортивный лагерь-пансионат «Светлица».

В тот день в монастырь они не вернулись. Сестра Пелагея бежала по горным тропам, убегая вперёд и вынуждая догонять или падать и умирать на маршруте. Девочки плакали, карабкаясь по осыпям вверх или слетая по ним вниз, обдирая тело до крови. Шёл дождь, и слёзы путались с дождевой водой, грязью и известью, намешенной с камнями ногами и руками, но кровь от разбитых коленей и ладоней нельзя было спутать. Алиса несколько раз срывалась – один раз скользнула ногой на обрыве, а другой – не рассчитав от слабости расстояния, не смогла схватиться за ветку, которую присмотрела для опоры. И скатывалась вниз, под ноги бредущим вверх подругам, от усталости не будучи не только в состоянии помочь или задержатся, но и просто заметить, что на земле не ствол поваленного дерева, а человек, такой же, из плоти и крови. Она, скуля и стискивая зубы, на четвереньках карабкалась наверх, сквозь слёзы смотря на исчезающие среди жёлтых деревьев чёрные фигуры и боясь потерять их из виду. И догоняла.

Потом вдруг прекратился ливень, и неожиданно сестра Пелагея остановилась на голом обрыве, с которого вся земля впереди лежала, словно на божьей ладони. Вывалившись следом, девочки упали на белые камни, жадно хватая ртами воздух, а с ним вместе, словно манну небесную – солнечный свет, золотой, вселенски сильный свет, пронзающий до самой сути, до самого нутра, дрожащего натянутым канатом позвоночника. И они плакали уже не от боли и усталости...

Но от чего – даже спустя годы Алиса не смогла бы объяснить. И сестра Пелагея ходила вокруг них и тоже плакала. Она брала в сильные и по-матерински нежные ладони их лица и целовала в лоб, говоря что-то ласковое и жизнеутверждающее, но ничто не сохранилось в их памяти. Ничего, кроме самого состояния окружения солнцем, восхождения к нему, опьянения им.

Хотя нет. Одно Алиса всё-таки запомнила.

Всё возможно, чему мы позволяем быть...

...

6. Охота

– Подъём!

Носок сандалии ткнул Алису меж рёбер. Вздрогнув, она тут же стиснула зубы и открыла глаза. Отец Владимир стоял в нескольких шагах от неё, и сердце Алисы переполошено сорвалось в дикий ритм – священник за время её вынужденного сна переоделся в новую рясу и поверх возложил большой серебряный крест. Так облачались перед неторжественными обрядами. С трудом удержав на лице прежнее угрюмое выражение, она постаралась принять сидячее положение.

– Время позднее, – коротко сказал отец Владимир. – На связь с тобой не вышли. У тебя есть, что ещё сказать мне, нечисть?

Подняв глаза, Алиса покачала головой.

– Ты упорствуешь в своём ответе?

Алиса с усилием разлепила губы, усушившиеся за время вынужденного сна в единую массу, и глухо отозвалась:

– Много за мной грехов, отец, но не ложь вам.

Несколько мгновений он внимательно рассматривал её, а потом проворчал:

– Будь ты человеком, я бы сказал, что ты не лжёшь.

И замолчал, оставив недосказанным то, что итак было ясно обоим – твари, подобные ей, но уже перешедшие барьер, славились изворотливостью, тонким актёрским умением и

неслабым рассудком, и даже священник, обученный для таинства исповеди, может оказаться слабее их возможностей. Алиса не отвела взгляда:

– Вы разбудили меня, чтобы поговорить или чтобы начать обряд?

Задумчиво оглядев её, словно принимая решение, отец Владимир наконец подошёл ближе и склонился почти до лица:

– Сегодня последняя ночь, когда ты можешь искать место будущего обряда?

Помолчав, Алиса кивнула.

– Я готов дать тебе возможность исполнить послушание... Пойдёшь со мной под печатью.

Дыхание Алисы оборвалось, взгляд лихорадочно заметался. Священник внимательно наблюдал за изменениями на лице пленницы, выглядывая за страхом и облегчением, смешенными в единую смесь, нечто большее.

– Это-то хоть снимете? – скривившись в неловкой усмешке, Алиса показала глазами на ленты скотча на руках и ногах.

Отец Владимир протянул к ней открытую ладонь, на которой лежала красного металла перстень с печаткой. Закрыв глаза, Алиса приподняла плечи и отвернула голову в сторону, подставляя шею. Священник взял недогоревшую тонкую свечу и наклонил над выбранным местом – ключичной ямочкой на плече девушки. Со свечи, чернея на лету, закапал воск, заполняя углубление, высланное нежной кожей. Али-

са сидела, не шевелясь, словно не замечая горячих капель. И лишь когда медная печать втиснулась в тёплую восковую подушку, она вздрогнула и закусила губу, сдерживая стон. Ей казалось, что нечто злое, острое буравится внутрь неё, пролезая сквозь мышцы в грудную клетку и оплетая сердце. Печать была поставлена.

Священник разрезал скотч, и Алиса, хмурясь от боли, начала тереть руки и ноги, сквозь едва терпимую ломоту возвращая им чувствительность. Только теперь она заметила, что соль в комнате сметена по углам. Отец Владимир вытащив из косяка торчащие ножи, бросил их на стол, где уже лежала пара, которую он забрал у Алисы, пока она была без сознания. Обернулся:

– Пошли, – и отодвинулся от прохода.

Алиса рывком поднялась и двинулась из комнаты. Хотела пройти на кухню – умыться и глотнуть воды, но священник схватил за плечо вооружённой перстнем рукой, и швырнул к дверям мгновенно ослабевшую девушку. Молча поднявшись на крыльце, Алиса одёрнула платье и вышла в сад.

Отец Владимир держался сзади, и в каждый момент движения она чувствовала его внимательный взгляд и тонкую ниточку, соединяющую её левую ключицу и сердце под ней с перстнем-печаткой в ладони священника.

Когда проходили двор, залитый вечерним светом, Алиса успела заметить рыжий клубочек под далёкими кустами смородины и невесть отчего порадоваться тому, что котёнок не

ушёл.

По городу шли быстро. Алиса стремилась за короткое оставшееся время вновь обойти все известные уже точки, по-новому взглянув на них. В голове за долгий сон систематизировались все приметы и параметры мест, на которых проходили обряды, и теперь требовалось лишь убедиться в забрезжившей догадке. Шли по нагретым за день улицам, и девушке всё казалось, что вокруг пустыня, ссушивающая кожу и отнимающая силы. Но двигалась она всё также легко и пружинисто, подчас вынуждая старика за спиной срывать дыхание, догоняя её. Впрочем, бывший инквизитор не сильно потерял физическую форму за годы безобидной работы учителем.

Когда прошли в парк, Алиса невольно оглядела место бывшей «разминки» – на асфальте ещё валялись осколки её плеера, но больше ничего не указывало на произошедшее. Это позволило удовлетворённо кивнуть своим мыслям, поскольку ничьи жизни даже случайно в тот раз отнимать она не собиралась. Бета за кустами, естественно, уже не было.

– Я помню это место, – вздохнул за спиной священник. – Его показывали по местному вещанию.

Алиса обернулась, но, взглянув на своего конвоира, перевела взгляд дальше. На широкие ворота парка, давно открытые настежь и ржавеющие в этом, заклинившем, положении. Широкие, высокие, просторные...

– Мы болтаемся без толку, – угрюмо сказал отец Влади-

мир, оглядываясь. – Столько времени прошло с тех пор, что уже ничего нельзя отыскать. Тебя прислали слишком поздно. Или рано. Возможно, если завтра пройдёт новый обряд, то ты сможешь найти что-то на его месте...

– Именно потому, что логика расследования событий инициатором отлична от человеческой, – монотонно, словно статью конституции, заговорила Алиса, – для удобства работы инициатор действует в одиночку, во избежание напрасной траты сил и угнетения со стороны инквизитора. Инициатор использует изменённым восприятием остаточные эманации окружающей среды в точках нарушения человеческого этического пространства и восстанавливает в воображении ход событий, благодаря чему способен вычислить нарушителей этического пространства, становясь свидетелем, наблюдающим событие в искривленной реальности. Инквизитор же является судьей и использует данные ему святым обращением способности во благо человечества и церкви. Инициатор выполняет волю инквизитора при исполнении приговора.

Отвечая, она всё ещё вглядывалась в арку ворот. В голове собирались в картинку и снова распадались образы.

Отец Владимир хмуро глядел её, ненавязчиво потёр подбородок печаткой и спросил:

– Ты видишь хоть что-то, что может объединять эти места?

– Въезд, – коротко отозвалась она и двинулась обратно к входу в парк.

Там, в жёлтом свете вечернего сумрака ей уже явственно представлялась машина. Она подходила всё ближе и перед взглядом складывались и разбегались линии.

«Легковая?», – силуэт спортивной машины.

«Нет, не хватило бы места...», – силуэт задрожал и распался на волнистые линии.

«Микроавтобус?», – линии сложились в известный контур, который тут же стал заполняться разноцветными пятнами, словно сознание пробовало подобрать цвет. Но что-то не складывалось, не получалось – линии наползали друг на друга, толкались, искривлялись, что-то внутри мешало им окончательно оформить картинку.

«Нет», – внезапно одёрнула себя Алиса, почувствовав собственную неуверенность. – «Это был грузовик».

Машина возникла в сознании почти мгновенно. Грузовая «Газель», из которой, словно на притормозившей киноленте с выключенным звуком, замедленно выскакивали молодые люди. Оставшиеся в кузове скинули вниз тело, перемотанное верёвками и скотчем; обмякшее, оно только дёрнулось при падении. Водитель подхватил тело и потащил в парк, живо оглядываясь и скрывая лицо под форменной кепкой с большими козырьками. Когда мужчины прошли совсем близко, Алиса взгляделась в салатовую кепку с чёрной эмблемой.

– Стилизованное «М» в круге, – сказала она.

Священник встрепенулся и удивлённо посмотрел на неё.

– Благотворительный Торговый дом «Милосердие» – одна

из дочерних организаций Единой Церкви в нашем городе.

Алиса наблюдала. Водитель скинул пленницу на асфальт, живо сдёрнул с неё связывающие верёвки, оставив только полоски скотча на лице, запястьях и щиколотках, и, не оборачиваясь, побежал к «Газели». Машина завелась и растворилась в пространстве, когда Алиса отвела от неё взгляд. Вокруг привезённой девушки остались только те мужчины, что выпрыгивали из кузова. Судя по всему, сектанты. Они рисовали знаки и символы для обряда, но как-то слишком суетливо – не было в их движениях торжественности, так необходимой ритуалам. И, пока они носились теньями вокруг, инициатор подошла ближе к лежащей и, присев на корточки перед невидимой никому, кроме неё, вгляделась в жертву. Белое лицо измученной девушки, запятнанное темнеющими синяками, изборождённое следами ногтей, кожа в кровоподтёках, на грязной сорочке расплывались кровавые пятна, но более всего окровавлены оказались ноги. Девушку насильовали долго, но более страшное истязание её ещё ждало.

Алиса распрямилась и ещё раз окинула взглядом подвижные образы своего воображения. Досматривать до конца намерения у неё не возникло.

– Жертву и сектантов привозили работники «Милосердия», – сказала Алиса. – Её насильовали и избивали не здесь. Здесь только проходил последний акт – добивание.

Священник опустил голову, размашисто перекрестился и хмуро оглядел окружающее пространство, словно в надеж-

де, что, как и инициатор, сможет увидеть то, что происходило здесь когда-то. Это не было желанием видеть омерзительное, – в его взгляде таилась угроза, знакомая Алисе по другим непримиримым борцам инквизиции.

Взяв себя в руки, отец Владимир повернулся к Алисе:

– В этом районе есть миссия благотворительного социального питания от «Милосердия», – сухо сообщил отец Владимир и отмахнул рукой направление.

Она снова двинулась первой. Теперь скорость движения увеличилась – кровь Алисы кипела, словно у гончей, идущей по следу. Она ощущала тонкий запах движения невидимой «Газели» на дороге и шла за ней, выглядывая очертания на фоне деревьев, кустарников, домов и плакатов.

Отец Владимир догнал её на повороте и тяжело спросил:

– Может, проще доехать?

Алиса остановилась и осмотрелась. В нескольких шагах находилась парковка. Лёгкий рывок в сторону машин, выбор по неосязаемым параметрам наиболее пригодной. Закрыв глаза, Алиса надавила на дверцу к месту водителя, и замок внутри сухо щёлкнул. Села, обрушила кулак на приборную доску – сигнализация пискнула и тут же замолкла, – и открыла дверь священнику:

– Садитесь.

Подобрав рясу, Отец Владимир забрался на пассажирское кресло и угрюмо сообщил:

– Вообще-то, я имел ввиду общественный транспорт...

Повернувшись, Алиса равнодушно спросила:

– Пойдём на трамвай?

– Поехали, – мрачно приказал священник, и она завела машину.

Когда впереди в просвете между рядами тополей появилась светящаяся в темноте огромная зелёная «М», вписанная в круг, Алиса припарковала машину возле тополиной аллеи. Вышли, вглядываясь в здания впереди.

– Один въезд на территорию, – рассуждала вслух то ли для себя, то ли для священника Алиса, – Главное здание и девять второстепенных складских. Шесть выездов. Машина могла идти с любой точки...

И замерла от ощущения знакомого сверлящего взгляда меж лопаток.

Разворот.

Одна рука привычно ушла к груди, заряжаясь для боя, другая мощным рывком смахнула отца Владимира, толкнув себе за спину.

Чёрная кряжистая фигура шагнула из густой тени дома, опасно приближаясь.

Отец Владимир, быстро восстановив равновесие, сноровисто прижал локти к корпусу, выставляя вперёд внезапно оказавшиеся в руках стилеты.

Неизвестный подошёл на расстояние рывка и опустил капюшон:

– Хорошая работа, Алиса. Доброй ночи, святой отец.

Руки девушки опустились, и, она скованно склонилась в полупоклоне, пролепетав:

– Доброго здоровья, командор Борислав.

«Он вас знает. Он вас найдёт».

Теперь её не удивляло тяжёлое чувство опасности от преследовавшего последние дни взгляда.

...

7. Война

Печать отец Владимир снял сразу. Молча наложил руки и легко скovyрнул восковую печатку с вздрогнувшей девушки – только розовое пятно осталось на коже.

– Машину мы вычислить не смогли, но то, что сектанты используют места не для всей процедуры, а только для её окончания, стало ясно с самого начала, – степенно говорил командор Борислав, тяжёлой широкой походкой двигаясь рядом с отцом Владимиром.

Алиса, не вмешиваясь в разговор людей, шла чуть впереди, выбирая наиболее короткую и безопасную дорогу к дому.

Отец Владимир покосился на товарища:

– Полагаешь, что место обряда найдено?

– Не сомневаюсь, – кивнул командор. – Завтра можно будет поставить точку.

– Будешь поднимать команду или надеешься справиться своими силами?

– Её хватит, – кивнул на задеревеневшую спину девушки отец Борислав.

Отец Владимир покачал головой и так же отстранённо спросил:

– Девица не производит впечатления... Ну, да ладно. Много поменялось за время, как меня удалили из Ордена, так, может и таковой уровень уже достаточен. Как точку-то

намерен искать?

Командор пожал плечами и едва заметно улыбнулся:

– Предполагаю, что территория, которую надо проверить, вряд ли превышает гектар... Алиса?

Девушка на мгновение закрыла глаза, вдыхая свежий ночной воздух, словно колонку новостей:

– Девять тысяч шестьсот пять квадратных метров.

– Не чрезвычайно большая площадь, – удовлетворённо кивнул наставник, – Вполне покрываемая двумя инквизиторами. Как считаете, отец Владимир?

Священник вытащил из глубин рясы платок и аккуратно обмакнул запотевший лоб. Улыбнулся поклонившимся прохожим, благословил, но глаза оставались настороженными. Он размышлял, прекрасно понимая, что стоит за предложением.

– Да, – наконец, ответил он. – Думаю, что для двоих это немного.

Наставник Борислав кивнул.

– Тогда предлагаю завтра встретиться уже здесь. Южный сектор оставляю за вами, отец.

– Премного благодарен, – чинно склонил голову священник.

– Когда они начнут, мы придём, – уверенно подвёл черту командор. – Запах боли будет нас вести.

Идущая впереди Алиса дёрнулась и, на ходу чуть повернувшись к мужчинам, проинформировала:

– Опасность для предполагаемой жертвы превышает допустимые значения.

Наставник кивнул и пояснил в одеревенелую спину девушки, продолжающей движение:

– Войны без жертв не бывает, Алиса. А мы на войне. Пусть это война лишь в таких редких прорывах выходит на столкновение жизни и смерти в мире телесном. Это война за души, и война в душах. И девушка, которая будет мучиться завтра, и которую мы спасём, если будем усердны и богу это будет угодно, всего лишь воплощение этой войны. Воплощение и наша жертва светлому, что укрепит силу божьего замысла.

Она прошла несколько шагов, не меняя спокойного выражения лица, а потом отозвалась:

– Я не понимаю.

– Ты знаешь о битве добра и зла, для которой тебя готовили, что же ты хочешь понять больше? – терпеливо спросил Наставник, косясь на молчаливо шагающего отца Владимира.

– Как жертва тёмному становится жертвой светлому?

Наставник усмехнулся, понимая, что она не видит, но чувствует его усмешку.

– Вопрос наивен, но корректен – в ином случае я бы указал на послушание очищения... – и вдохнув ночного воздуха, ответил, понизив голос: – От того, каким был обряд – во славу божью или во славу его противнику, – зависит пре-

умножение силы тёмного или светлого в мире. Но бог есть высшее, породившее и светлое и тёмное, потому, если обряд и проводился во славу хозяина преисподней, но наши деяния его остановят, а девушка умрёт, то обряд смерти во имя злого станет с божьей и нашей помощью обрядом жертвоприношения одной для остановки прихода дьявола и спасения многих. Значит, душа её будет очищена от грехов прожитой жизни и вознесена к светлomu, как мученица за святое дело.

Алиса склонила голову. Отец Борислав удовлетворённо повернулся к коллеге и улыбнулся на его настороженный взгляд:

– Она действительно молода. Только второй год как инициирована.

Священник понимающе кивнул, а потом поинтересовался:

– С каких пор стали брать настоль юных девушек?

Наставник тонко улыбнулся, словно ведя светскую беседу за чашечкой кофе:

– Практику инициации людей в зрелом возрасте, с хорошей боевой подготовкой и опытом нам пришлось прекратить, как малоэффективную. Большие дивиденды приносит подготовка людей в период пика полового развития, конечно, держа под контролем сексуальную энергию и направляя её на инициацию. Такие бойцы менее профессиональны, да, меньше знают и умеют на момент инициации, но зато фактически без обучения легко овладевают интуитивными прак-

тиками. А у Алисы высокие возможности в этой сфере, тем более, что им ещё суждено развиваться, – пояснил наставник, с едва заметной гордостью смотря в напряжённо выпрямленную спину ученицы: – Но пониманием девочка ещё чисто дитя.

– Гармония баланса, – кивнул отец Владимир и вздохнул: – Но странно слышать такое сравнение о представителе нечистого рода, который уже пригубил и не раз жизни человеческой... – и перекрестился, словно отвращая дурное.

Брат Борислав бросил быстрый косой взгляд на коллегу и негромко отозвался:

– Грех ли то, что сердце отдаю своим ученикам, кем бы ни суждено им быть?

Отец Владимир промолчал. И заговорил лишь когда прошли довольно далеко от места неловких фраз.

– Во всём этом деле наиболее обидно, – вздохнул он, избегая продолжения скользкой темы: – что змея отложила яйца в корзине среди птичьих.

Брат Борислав не ответил, только плечи дёрнулись, словно наставник сдержал желание обернуться на исчезающие за поворотом вывески «Милосердия». Разговор вновь не завязался, и далее двигались в молчании.

На одном из дорожных переходов, когда остановились на светофоре, Алиса почувствовала пустоту за спиной и резко обернулась назад. За ней стоял только отец Владимир, напряжённо уставившийся на резко остановившуюся девушку.

Алиса посмотрела мимо него на улицу, освещённую огнями и полную праздного люда. Вывески. Машины. Пьяный сброд. Наставник исчез.

– Ушёл, – констатировала Алиса, отворачиваясь к дороге.

И только теперь отец Владимир, порядком вымотанный тяжёлой ночью, понял, что произошло, и всю дальнейшую дорогу провёл в задумчивости.

– Пойдёте со мной или вас сопроводить? – не глядя на попутчика, безучастно спросила Алиса, когда вошли в свой район на главную развилку.

Отец Владимир устало отмахнулся:

– Иди, отдыхай. Завтра понадобятся все твои способности... Инициатор...

Алиса, по-военному развернувшись, направилась в сторону своего убежища.

Первое, что она почувствовала, подойдя к дому – странное телесное ощущение тепла и запах сладости, растекающийся по воздуху. От этого запаха кружило голову и хотелось встать на четвереньки и ползти к его источнику. Алиса встряхнулась и разжала инстинктивно до судороги сжатые кулаки. День без поддерживающего питания сказывался – даже лёгкий запах крови, затёртый среди ароматов цветущих лип, мог довести до потери ориентации и человеческого вида. Открыв калитку, зашла во двор – запах тянулся с угла дома. Подступая ближе, напряглась, готовясь в любой момент к атаке, но вокруг было тихо. И, лишь подойдя бли-

же, почувствовала живое и мёртвое рядом.

Завернула за угол.

Рыжик игрался с длинным хвостом растерзанной до неузнаваемости серой тушки. Он то подцеплял голый хвост лапой и подбрасывал в воздух, то ловил, прижимая всем телом, когда тот отлетал.

– Так, – Алиса опустилась на корточки рядом с котёнком. – Что тут у тебя, доблестный охотник?

Рыжик вздыбился, почувствовав девушку рядом, но быстро успокоился, не видя от неё агрессивных движений. Алиса же ткнула в розовую шкурку пальцем и слизнула с ногтя смазанный кровавой след.

– Убили часа полтора назад, – задумчиво сказала она котёнку, топорщившему усы на добычу. – Выжрали внутри всё, кроме кишок. Крови почти нет.

Вывод напрашивался только один.

– Бет, – криво усмехнулась Алиса.

Вскочила на ноги и понюхала воздух. Остаточный запах помойки и гноя тянулся шлейфом к полуразвалившейся постройке овина. Алиса ощерилась и двинулась к нему, зная, что бежать от неё бесполезно, обороняться – тоже, да и не будет бет способен ни на то, ни на другое.

Дверь она, не церемонясь, сорвала с петель. В овине повисала густая темнота, но движение живого тела, смердящего и часто дышащего от испуга, она ощутила сразу. Ощерилась и зашипела предупреждающе – волосы её приподнялись

у корней, клыки заострились, когти на ладонях мгновенно narosли и закаменели.

Бет заскрёбся, стремясь найти выход из ловушки, в которую сам себя загнал, но тщетно – доски у овина ещё были достаточно крепки, чтобы не выпустить. Он всё-таки попытался – размахиваясь и шипя от боли, замолотил по стене кулаками и сумел пробить дыру.

– Смерти ищешь, отребье господне? – прошипела Алиса и одним рывком оказалась рядом с тёмной скрюченной фигурой, ставшей хорошо видной на фоне улицы. Схватила за холку, жёсткими пальцами проминая мышцы до позвоночника, и швырнула тварь к двери. Бет закричал, опрокидываясь на спину, заскрёб руками-лапами, стремясь отодвинуться от неторопливо, словно кошка к мышке, приближающейся девушки, но тщетно. Алиса прыгнула, схватила железной рукой за плечо, втискивая пальцы под ключицу, и поволокла из овина. Бет извивался и причитал что-то нечленораздельное, будто силы покинули его и осталась только надежда на мольбу и милосердие.

Алиса выволокла обвисяющее мешком существо на сумрачный предутренний свет и, швырнув под ноги, оглядела. Бет, дрожа и зажимаясь, лежал, стараясь не шевелиться, и только из-под длинной косматой грязной чёлки за ней следили глаза – чёрные, испуганные, с кипельными белками, страшно контрастировавшими на фоне тёмно-фиолетовых кругов, в провале которых сидели.

– Смерти ищешь? – снова прошипела Алиса и склонилась ближе к бету.

– Ищу, – дёрнулся острый кадык по тощему горлу.

А во взгляде появилась сумасшедшая надежда.

– Зачем пошёл за мной? Что задумал? Отвечай!

Она не угрожала, но бет сжался, не в силах отвести взгляд от её глаз – бешенных, огромных, тёмных – в которых сейчас дрожал зрачок, заметно вытягиваясь по вертикальным полюсам.

– Защитила, – тихо-тихо, почти на грани слышимости прошептал он. – С тобой – спокойно.

Алиса свела губы, скрывая острые хищные зубы, и выпрямилась. Ярость угасла так же неожиданно, как и появилась.

– Это – мой – дом, – раздельно сказала она. – Уходи! Или пеняй на себя!

Бет не стал перечить. Не выпуская её из поля зрения, он развернулся и боком, боясь подставить покалеченную, кровотокающую спину, начал медленно настороженно продвигаться в сторону выхода. Лицо его вытянулось и казалось в этот момент уже не испуганным, а уставшим и очень старым, не смотря на то, что морщины его не безобразили, но кожа высохла и черты заострились как у тяжёлого больного в последние часы. Он и чудился похожим на того, кто лежит на предсмертном ложе и в изнеможении от брэнного существования зовёт смерть, но та, словно издеваясь, не приходит, лишь досуха выжимает все соки жизни из тела. На миг он

показался Алисе сходным с её матерью за день до смерти...
И она, сплюнув под ноги, приказала:

– Стой!

Когда бег, вздрогнув всем телом, замер, Алиса уже пожалела о сказанном, но отступить не собиралась.

...

8. Бет.

Алиса открыла дверь в дом, оставленную незапертой, и посмотрела на прижавшегося к стене бета, тарасившегося пустыми глазами.

– Войди, – коротко бросила она.

Бет сжался ещё больше, настороженно смотря исподлобья.

– Ну! – рывкнула Алиса.

Восток уже алел, и встречать на улице рассвет и поднимающихся на работу соседей в нынешнем положении ей не хотелось. А бет всё задерживался, боясь открытого портала в дом, в уют и чужое личное пространство. Зашипев что-то нечленораздельное, Алиса схватила существо, смердящее помойкой и казавшееся более всего похожее на запаршивевшую обезьяну, и втолкала в дверной проём. Бет особо и не сопротивлялся, только зажимался и пытался уберечь кровоточащие плечо и хребет.

Алиса захлопнула дверь, накинула крючок и удовлетворённо вздохнула – «дома!».

– На кухню, – хмуро приказала она бету и тот покорно поплёлся в указанном направлении.

«Интересно, там окно открыто? – с надеждой подумала Алиса, – Хоть бы сбежать догадался что ли...». А сама направилась в комнату – переодеться.

Когда она вышла на кухню – в чёрном спортивном костюме, несмотря на облегание, неплохо скрывающим, как всегда, притянутые к телу, клинки, – бет сидел в центре кухни, сжавший в комок и, казалось, боялся прикоснуться к чему-либо и случайно осквернить. Алиса вздохнула – окно оказалось открытым.

«Ну, не дурак ли?», – с досадой подумала она и показала на короткую ванну рядом с плитой:

– Снимай всё и залезай туда.

Простейшие команды он понимал хорошо, а стеснений уже не оставалось – подрагивающими руками стал растёгивать пуговицы. Алиса нахмурилась, постукивая когтём по столешнице и, не поднимая глаз, бет заторопился. Вскоре он сидел перед ней обнажённым, лишь на шее болталась верёвочка с большим круглым медальоном. Потемневшее от грязи, пота и внутреннего гниения тощее тело, помеченное чёрными синяками бывших избиений, в язвах и незаживающих ссадинах, дурно смердящее и паршиво выглядящее.

Сморщив нос, Алиса прошла вокруг, оглядывая и ощущая настороженный чёрный взгляд, следящий за каждым её движением исподлобья. Ей хотелось саму себя одёрнуть и напомнить, как и откуда берутся такие твари, как эта, но всё стоял перед глазами последний взгляд матери.

– Туда, – махнула Алиса рукой и негаданный гость, горбатясь в ожидании удара в спину, полез в ванну.

Старая, с отбитой эмалью, она была прохладной, и бет

сжался в комок, заметно задрожав, и обхватил себя руками.

– Всё лишь начинается, – хищно усмехнулась Алиса.

Бет промолчал, сжавшись ещё больше. Не обращая внимания, Алиса открыла краны. Вода в дом поступала из небольшой скважины пробуренной хозяевами тут же, во дворе, и оттого зимой и летом была одинаково ледяной. Душ загудел, ударили струи и бет с тихим всхлипом подался назад.

– Сидеть! – прикрикнула Алиса и, поморщившись, осознавая, что сам он не помоеется, а так и будет сидеть, зажимаясь и с ужасом глядя на льющуюся воду, взялась за дело сама.

Отмывать его до идеальной чистоты она не собиралась, да и наверняка это было невозможно, но хотя бы немного снять ужасный запах нечистот считала необходимым, потому поливала ледяной водой мгновенно расцветающую краснотой кожу и тщательно натирала намыленной тряпкой. Бет, как ни странно, молчал, только стискивал зубы и дрожал от холода всё заметнее.

– Пытка кончилась, – объявила Алиса. – Вылезай.

А сама ушла поискать что-нибудь из одежды в шкафах старых хозяев.

Когда вернулась, бет уже вылез из ванны и, исходя крупной дрожью, яростно отстирывал в сливающейся мыльной воде веревочку с медальона. Сам медальон – толстый металлический кружок – лежал на столе. Алиса не стала сдержи-

вать любопытства и взяла посмотреть. «За отвагу» значилось на позеленевшей от сырости и пота медали.

– Так, – удивлённо протянула Алиса, разглядывая ещё угадываемые очертания танка и самолётов на медали и короткую надпись «СССР».

Бет вздрогнул, словно ударили, и быстро оглянулся. Дикие чёрные глаза с тоской прикипели к кругляшку в её руках.

– Отдай, – тихо попросил он, опасаясь даже руку протянуть.

Алиса пожала плечами и положила медаль на стол, рядом бросила найденную одежду.

– Одевайся, – кивнула она и снова вышла.

В комнате уже появились золотистые блики на подоконниках, но мощные деревья сада ещё не пускали день в эту обитель сумрака. Утомлённо вздохнув, Алиса рухнула на своё излюбленное место в углу и потянула к себе ноутбук. «Гроссмейстера» в сети опять не было, но в окошке клиента висело тревожное «Где ты? Что случилось?» – и на сердце у неё стало легче от понимания того, что хоть кому-то на земле она нужна просто потому, что есть. Редкое удовольствие для инициатора.

– «Извини, сложности на работе. В ближайшие пару дней буду урывками. Пока!», – отбила она, зная, что до адресата её послание дойдёт не сейчас, так позже. Увы, Влад не отзывался, а значит действительно его в сети не было.

Алиса потянулась за бутылкой с поддерживающим пита-

нием и с неудовольствием заметила мелькнувшую в проёме входа тень.

– Входи, – приказала она.

Одежда на госте висела почти также, как на вешалке. Отощавший, сторбленный мужчина в чёрном строгом костюме прошлого века более походил на узника концентрационного лагеря, сошедшего с фотографий времён второй мировой, чем на современника. Если бы не длинные, почти до середины лопаток чёрные с сединой волосы да необычный шрам на щеке – крестом... Бета ещё была дрожь и инстинктивно он сжимался, прижимая к себе руки.

– Иди туда, – указала Алиса на место неподалёку, где ранее бросила старые одеяла из барахла хозяев дома, которым пользовалась в обход права наследования.

Бет подошёл к куче, вопросительно посмотрел на Алису и, лишь убедившись, что это действительно для него, приготовил себе место – одно одеяло собрал в несколько слоёв и расстелил, а в другое закутался с ног до головы и сел греться. Алиса, не таясь, разглядывала его лицо и думала о том, что негаданному гостю от силы тридцать пять лет, хотя его уродует сушившаяся кожа, кое-где повисающая хлопьями, невероятная измождённость и шрам на щеке. Но угаданный возраст ничего не значил – для бета, как и для неё самой возраст остановился на той отметке, когда был застигнут инициацией...

– Хочешь? – неожиданно для самой собой она протянула

ему бутылку.

Вздвогнув, бет кинул мимолётный взгляд на ближайшее окно, выдавая внутреннюю напряжённость, и лишь потом посмотрел на то, что предлагала хозяйка дома. Глаза его расширились, уголки губ провисли, а сами они заходили ходунном, сдерживая переполнившую рот слюну. Он часто закивал, вытягиваясь в сторону вожаделенной бутылочки. Не без сожаления Алиса отдала свой завтрак и пошла за новой порцией к рюкзаку – к вечеру этого дня нужно было полностью восстановить форму.

Бет пил, захлёбываясь, боясь потерять даже каплю. Когда тёмно-красный густой напиток перестал литься, он, не таясь, вылизал горлышко бутылки и ещё долго тряс её, стремясь нацедить ещё немного. Смотря за ним, Алиса вдруг подумала, что никогда не видела бетов вот в таком качестве и так близко. То, что ей приходилось видеть раньше, заставляло её думать, что подобные выродки теряют всякое человеческое достоинство, становясь отверженными. Но в этом она видела не только суть павшего ниже животных существа, но и что-то особенное, не инстинктивное, неправильное, что привело его к дому злейшего врага, словно к порогу друга, и заставило бережно хранить неизвестно откуда взявшуюся медаль, и позволило выстраивать отношения.

– Как тебя зовут?

Бет с сожалением отставил в сторону давно ставшую пустой бутылку и повёл сонными глазами:

– Не помню.

– Совсем?

Он задумчиво вскинул глаза на потолок:

– Даниил... Данила. Как-то так...

– Откуда ты?

Он помолчал, прежде чем ответить:

– Я не помню. Там была большая река, мы мальчишками купались. Я хорошо плавал...

– Когда стал таким?

– Не помню... Наверное, давно.

Облизав с губ оставшуюся от напитка красную плёнку, Алиса продолжила допытываться:

– Помнишь, как мы встретились в первый раз в парке? – «бет» кивнул, – Ты почему не сбежал?

Он пожал плечами и коротко ответил:

– Маленькая. Хрупкая. Думал – не справишься.

Алиса фыркнула:

– Действительно? Это тем парням непонятно было, кто я и что сейчас произойдёт! А ты, отребье господне, чувствовать меня должен был и понимать, что, если захочу, никто от туда не уйдёт живым!

Бет сжался, разглядывая её исподлобья в ожидании удара, но от своего, ощущалось, отступить не собирался:

– Я чувствовал... да, чувствовал, что ты – особенная. Сильная. Опасная. Другая. Но не знал.

– Ты не мог не знать! – отрезала она, – Уж что-что, а запах

«альфы» любая «бета» запоминает на всю жизнь! И никогда не спутает ни с чем. Таких, как ты, на полтора метра к моему лежбищу невозможно силком подтащить. За три года, что хожу по городам, ни разу не встречала тупых нечистых, которые бы осмелились мне на дороге встретиться.

Она хищно усмехнулась – на мгновение черты заострились, став старше и острее, волосы приподнялись и над ногтями из кожи вновь стали вытягиваться тёмные костяные треугольники когтей. Бет шархнул, вжимаясь спиной в стену, но не убежал, судорожно вцепившись в одеяло и только настороженными глазами вперившись в неё. Стиснув острые зубы, Алиса тряхнула плечами, словно собака, выходящая из воды, и прежний облик вернулся к ней. Бет ещё некоторое время молчал, осмысляя увиденное. Потом, не отводя взгляда, ответил:

– Я не знал. И не знаю. Отпусти меня – я уйду.

Алиса усмехнулась, пожала плечами и отставила бутылку в угол, на мгновение повернувшись к бету спиной. Всего лишь на расстояние рывка! Но атаки не последовало. Алиса снова села на спальник, подвернув ноги по-турецки, и посмотрела на гостя уже с неподдельным интересом:

– За что хоть инициировали – помнишь?

Он поднял кроткие глаза и спросил:

– Что такое «инициировали»?

Алиса поперхнулась, настороженно вглядываясь в гостя. Но не надо быть исповедником, чтобы понять, что он пре-

дельно искренен. И это заставляло задуматься всерьёз. Кто, когда и за что мог инициировать, не соблюдая обряда? Не оставив даже надежды на возвращение в лоно духа? Не оставив человеку пути назад?

Вопросы были важны, но, взглянув на то, как сыто-сонный «бет» с трудом, на одном только страхе, удерживается в сидящем положении, она, сама себе удивляясь, мягко предложила:

– Спи. Здесь ты в безопасности. Потом разберёмся.

Даниил кивнул и, ещё более закрутившись в одеяло, лёг на своё место, свернувшись в позу эмбриона. Алиса смотрела, как быстро под веками прекратили движение зрачки, как стало едва заметным дыхание, а потом от него не осталось никаких следов, и казалось, что всякая жизнь в заснувшем теле прекратилась, смотрела и с непонятной нежностью выделяла чёрно-седую прядку, непослушно лёгшую на лицо и закрывшую странный шрам на щеке.

...

Воспоминание о Ноже

– Перехват! Укол! Перехват! Укол!

Сестра Пелагея командовала, не сбиваясь с ритма и не срывая дыхание, хотя одновременно ей приходилось двигаться в том же темпе, что и послушницам. Алиса честно стремилась не спускать наставнице, но всё равно с досадой замечала, что, когда свои руки только «заряжала» для удара, отводя ближе к корпусу, вооружённая ладонь старушки уже отдыхала в аналогичной позиции, дожидаясь её. А ведь из всего потока Алиса была самой быстрой и потому наставница выбирала её для показа техники.

Сестра Пелагея оказалась учителем по ножевому бою, и ей было чем удивить учениц. Любое холодное оружие от шпильки до шпаги в её руках превращалось в воплощение смерти. Она пугающе легко сбивала птиц в полёте, метая дротики, и непринуждённо и даже изящно вращала тяжеленной саблей, которую не всякая девушка и над головой поднять-то могла. А что она показывала с коротким клинком – то повторить, казалось, не мог бы никто. Так вышло, что у Алисы сердце сразу прикипело к старой наставнице. В один из первых дней обучения, когда сестра Пелагея лишь объясняла девушкам, что такое холодное оружие, бытовая неурядица сблизила их. В одну из ночей Алиса вышла во двор по малой нужде и, возвращаясь в комнаты лагеря, услышала ти-

хий рык, доносящейся из кельи новой наставницы. Долго в сомнениях промявшись под дверью, рискнула зайти. И оказалась вовремя – сестра Пелагея маялась ногами, не дающими покоя в слякотную пору. В тот вечер старая наставница долго молилась и подняться с колен уже не смогла. Быстро сообразив, Алиса на руках дотащила сухонькую старушку до постели, размяла голени и, очень тихо пожелав спокойной ночи, ушла. Ни одна не рассказала о происшедшем, не говорили об этом и между собой, но всё больше сестра Пелагея выделяла Алису среди прочих и всё более требовательно ставила ей навыки обращения с оружием.

– Довольно! – скомандовала сестра Пелагея, резко набирая дистанцию и убирая оружие.

Алиса, у которой уже всё кружилось перед глазами, а многоопытная напарница давно превратилась в серый силуэт с едва различимым проблеском оружия, с трудом остановила себя – тело механически стремилось вперёд, к ускользящей цели.

Сестра Пелагея с улыбкой наблюдала, как, убрав оружие, запыхавшиеся девушки пытались привести себя в порядок – заправиться, пригладить волосы. В отличие от наставников-мужчин, преподававших до сих пор основы выживания, анатомию, химию, гимнастику и акробатику, сестра Пелагея не укоряла девушек за чисто женские повадки, даже когда они отвлекали от дела, были знаком растерянности или лукавой попыткой кратко отдохнуть. Она говорила им: «Не каж-

дой из вас предстоит встать в строй воинства господнего, но те, что встанут, очень быстро поймут, в чём женская сила и женская слабость». Алиса ей верила и потому с первых дней стала подвязывать волосы шнуром, чтобы непослушные рыжие космы не лезли в глаза.

– В чём сила ножа? – улыбнулась сестра Пелагея.

Это была традиционная форма урока – сперва практика, потом разговор. И только разговором, общением, состоящим из вопросов и ответов, учились девушки понимать. Прежде чем отозваться, девушки помолчали – ровно столько, сколько считалось вежливым для обдумывания ответа.

Стоящая рядом с Алисой, Диана, за чёрные кудряшки и напористый характер среди девочек прозванная «Цыганкой», успела первой:

– В его возможностях! Ножом можно резать, колоть, рубить, его можно метать, можно им фехтовать, а можно и использовать для скрытого воздействия.

Сестра Пелагея кивнула и оглядела строй. Значит, ответ был недостаточен, хотя и верен.

– Нож довольно мал, поэтому его можно носить и открыто, и скрытно, – предположила Лиля, бледная блондинка с вечно невыспавшимися глазами, прозванная подружками «Офелией». – И нож всегда можно где-нибудь взять – дома, в гостях на кухне, в любой товарной лавке наверняка найдёшь, а значит – его легко добыть и использовать.

Наставница опять кивнула и снова оглядела воспитанниц.

Но на сей раз предположений не прозвучало. Настало время подсказок.

– А если я скажу вам, что сила ножа в том же, в чем его слабость? – улыбнулась сестра Пелагея.

Задумавшись, девушки замерли, рассеянно разглядывая стены фехтовальной залы, где с началом сезона дождей стали проходить тренировки. Стены жалкие, в трещинах и размывах, почти целиком превративших бывшие картины в несуразные пятна и линии, не ассоциировавшиеся уже ни с чем. Девушек подчас, в моменты поиска ответа, больше интересовал не вопрос, поставленный старушкой, а вот эти стены, такие странные, что взгляд постоянно искал возможность зацепиться за что-нибудь знакомое и логичное и размотать клубок догадок, нарисовав в воображении то, что когда-то было создано художником.

– Сила и слабость ножа...

Голос гулко прокатился под сводами и девушки, как одна, обернулись к выходу. Крепкий мужчина в костюме уверенно шагнул за порог и почтительно склонился перед наставницей:

– Сила и слабость ножа, Мастер, в человеке, который им владеет. Одному кажется, что он хорошо и давно знает этот предмет, знает, что от него ожидать и от того не ждёт угрозы, как хозяин не ждёт угрозы от своей собаки. Другой знает, что держит в руке опасное оружие, данное нам свыше. И потому один выигрывает, а другой проигрывает, владея одним и тем же

ножом.

Сестра Пелагея поджала губы, как бывало в моменты напряжения, и склонилась в ответном вежливом поклоне:

– Добро пожаловать в школу. Девочки, поприветствуйте наставника Борислава! Лучшего из ныне живущих храмовников.

Алиса едва успела прийти в себя и склониться вместе со всеми. Негаданным наставником оказался человек, с которым на могиле её матери договаривался учитель православной этики, тот, чья воля привела её в этот странный лагерь подготовки. И от предошущения нежданного, что, как и в прошлый раз, переломает её жизнь, у неё сжалось сердце.

...

9. Обряд

Весь день они проспали, одинаково впад в странную спячку без признаков жизни. Ближе к назначенному часу Алиса проснулась по внутреннему хронометру и первым делом оглядела комнату. Спокойно. Открыла ноутбук, посмотрела сообщения. Сердце согрел ответ «Гроссмейстера»: «Удачи в делах! Буду тебя ждать». Захотелось ответить, поговорить и даже излить душу, но глянула на часы, уверенно толкающие стрелки к двенадцати и поняла, что от короткого разговора толка мало, а на длинный времени уже нет.

Пригубила бутылочку поддерживающего питания и с неудовольствием подумала о том, что давно пора купить нормальной еды – рыбы или мяса, на худой конец хоть мясных полуфабрикатов. Одной обогащённой жидкости организму уже не хватало. Взглянув на спящего «бета», подошла и тронула запястье в точке пульса. «Бет» встряхнулся всем телом, и тут же появилось шумное, быстрое дыхание, словно его выдернули из кошмарного сна. Даниил поднял голову и посмотрел глазами загнанного зверя.

– Всё в порядке. Пей. – Алиса протянула початую бутылку и отошла одеваться для работы – нижнее бельё, нательная фуфайка, спортивное трико. Одновременно отдавала распоряжения: – Останешься здесь. Меня не будет долго, но к восходу постараюсь вернуться. Никуда не уходи, ничего не тро-

гай. Напиток в рюкзаке, вода на кухне в кране, чайник на плите, но лучше не включай – вдруг забыл, как это делается.

Бет не поднимая головы, тихо отозвался:

– Помню.

– Хорошо, – коротко ответила она, подтягивая крепления ножей. – Туалет на улице, и постарайся, чтобы тебя никто не видел. Котёнка не трогай: убьёшь – пеняй на себя. Я вернусь, принесу еды. Ясно?

– Да, – отозвался он. – Ты куда?

– На работу.

– Я могу пойти с тобой, если...

Алиса раскрыла рюкзак и вытащила чёрный валик одежды.

– Нет, – и взмахом рук раскрыла подрясник. Свёрнутый внутрь пояс упал на спальник.

Бет напрягся, мгновенно подбираясь, волосы стали приподниматься:

– Ты – монахиня?!

Она усмехнулась, подвязываясь:

– Никто из нас уже никогда не сможет стать ближе к Господу... И, сколько бы не тянулась наша жизнь и наше послушание, нам видеть Конец этого мира и не суметь подступить к престолу Всевышнего. И в этом мы с тобой, отребье, схожи, – усмехнулась она, заправляя под апостольник непослушные рыжие прядки.

– Жди, – кинула она, уходя, и, закрыв дверь, долго ещё

чувствовала взгляд в спину. И от этого ей было тепло на душе, словно лежбище вдруг стало домом.

Она шла по тёмной улице уверенно, понимая, что, не смотря на странность наряда, вряд ли кто из случайных прохожих даже осмелится задуматься – куда может идти послушница в столь поздний час и при каком монастыре живут девицы столь юные и прекрасные, но не носящие креста на облачении? Вместо этого любой проходящий огибал Алису, приучено опуская глаза. А она шла легко, свободно и уверенно шагая в привычной одежде, направляя взгляд чуть вверх голов, как не смотрят приученные к покорности. Да, направляя взгляд вверх голов, словно безвинно идущий на казнь, и испытывала от этой свободы обречённую странную радость внутренней правоты.

Когда она вышла к складам торгового дома «Милосердие», то первый, кого увидела, был отец Владимир. Он стоял возле парковой лавочки и что-то зачитывал смиренно сидящим на ней бомжам. Мужчины казались совершенно трезвыми, но в глазах их горел особый огонь приобщения, и от того их неуверенные мелкие движения всё больше напоминали действия «под кайфом». В конце краткой проповеди, отец Владимир дал мужчинам поцеловать крест и, отправив восвояси, сел на скамейку.

– Очередное чудо приобщения? – спросила Алиса, незаметно выходя из-за ряда кустарников и скромно присаживаясь рядом. – И всего-то ради возможности посидеть?

Отец Владимир не позволил себе даже вздрогнуть от неожиданности и отозвался на удивление сдержанно:

– Не ради возможности посидеть, но ради спокойствия отдохновения и приобщения к пути истинному нетвёрдых. Да и ради того, чтобы иметь точку обзора для вашего прикрытия – тоже.

Алиса склонила голову, извиняясь за недостойную шутку, и спросила коротко:

– Где?

– Шестой склад, левое крыло. Западный вход, – сухо отозвался он. – Отец Борислав уже там.

Алиса кивнула и направилась к указанной точке, оставив старого священника одного на лавке перед центральным входом – полномочий для присутствия на инициации у него не было.

Охраняемые ворота Алиса игнорировала – сразу прошла вдоль высокого бетонного забора с колючей проволокой поверху на запад, ища наиболее тихое место. Рядом с оградой территории складов пролегла дорога и по ней, как на беду, почти без перерывов, потоком шли машины. Когда она увидела угол ограждения, стало понятно, что совсем без свидетелей пройти не удастся. Пришлось воспользоваться помощью невысокого, но раскидистого дерева на дорожке. Взгляд влево, вправо. С места – толчок и краткий полёт на стену. Высвободившиеся из-под кожи когти ударили в бетон. Оттолкнулась ногой от ближайшей ветки и – перемахнула на

другую сторону.

Мягкое приземление и быстрый рваный бег по задворкам и теням к левому крылу куполообразного помещения с цифрой «шесть» над входом. Потом также, – стремительно и пружинисто – взлетела по стеклопластиковой стене здания наверх и фактически бесшумно нырнула в открытое окно, где затихорилась на кольцевом балконе второго этажа. Сверху открывался прекрасный обзор происходящего внизу. И ещё – хорошо было видно, что склад заставлен тюками в человеческий рост так, что в центре оставалось свободное пространство в форме шестиугольной звезды. И вряд ли это смогли бы сделать сектанты, будь они посторонними для «Милосердия». Алиса хищно усмехнулась.

Внутри свободного пространства уже суетились люди. В свете множества свечей фосфоресцировала белая полоса окаймления пентаграммы на полу, а внутри, среди японских иероглифов и египетской клинописи, латинских и славянских букв, санскрита и арабской вязи, на символе остроконечного креста лежала девушка. Её руки и ноги не были скованы, но это и не требовалось – глаза её неотрывно рассматривали что-то в пространстве над ней, губы беззвучно шептали, и всё это вместе с рваным поверхностным дыханием говорило о том, что девушка находится под влиянием подготовленного манипулятора. И он стоял тут же – не заходя за черту пентаграммы, но неотступно продолжая влиять на жертву. И чёрное одеяние священника снова заставило Али-

су оскалиться.

Она продвинулась ближе, по-кошачьи мягко и почти неприметно передвигаясь на четвереньках, и с неудовольствием заметила тех, о ком не подумала позаботиться сразу – по периметру балкона стояли охранники. Тёмные фигуры крепких мужчин не оставляли сомнений, что оружие есть и бойцы умеют им пользоваться.

– «Редкий случай... Обряд, который охраняют, обряд, который не боятся выставлять напоказ... Много же людей отравил яд гниения душ, если они идут на это! Но хуже всего то, что общество гниёт само, раз там мягко к ним относятся, что такое происходит. И многие идут за тьмой...», – задумчиво прикинула она расположение и количество охранников.

А внизу начинался обряд. За два года служения Инквизиции она уже не раз смотрела на это действие, потому внимание отвлеклось на более насущные вопросы – запечатление в памяти всех деталей обстановки, поиск дыр в обороне и высчитывание возможной траектории движения.

Однако, почти сразу Алиса напряглась, вглядываясь вниз. Она сразу не поняла, что её встревожило, – так же бубнил библию задом наперёд ведущий, бродили кругом соучастники, так же металась, не в состоянии двинуться и закричать девушка, – но вскоре Алиса почувствовала то, чего не ощущала, присутствуя незримым свидетелем ещё ни на одном обряде. От пола, от места, где лежала девушка, волнами шли

беззвучные, но мощные толчки, явно сотрясающие здание, и вверх поднимался поток воздуха, наполненный ароматами трав и крови...

Обряд продолжался, и Алиса до боли стиснула кулаки, ощущая, как тревожит её одуряющий запах, как кружится голова и хочется упасть вниз, в самое сердце ароматов и странного стука, словно в жерло пробуждающегося вулкана, готового выплюнуть в мир не лаву, а поток утопленных в крови луговых цветов. Огляделась – и участники обряда внизу и охранники у перил балкона, – все впали в экстаз от происходящего. И в сердце Алисы появился страх перед неизвестной силой. Она сжалась для броска и стиснула зубы, вновь ставшие острее и больше. На страх инициаторов учили отвечать яростью.

Отец Борислав появился возле круга в миг, отмеченный одномоментным миганием свеч – коротко ударил ветер, а когда огонь, качнувшись, вновь поднялся, возле жертвы в пентаграмме уже стояла сгорбленная под бременем магического поля фигура священника. И уже не стало ни запаха трав, ни биения. Всё мгновенно застыло, замерло, словно заморозилось во времени.

Уполномоченный на судебное постановление инквизитор рязанской епархии, отряда владыки Мирослава Бородинского отец Борислав поднял голову и негромко заговорил, но в полной тишине слова звучали чисто и торжественно, словно колокольный набат:

– Присутствующие! Живые. И мёртвые. Именем Отца небесного. Непричастные. Приговариваются. К смерти. Причастные. Приговариваются. К инициации.

Ведущий обряда и не стал спорить – рванулся в сторону и махнул рукой охранникам наверху. Тут же по бетонному полу застучали капли свинцового дождя. Но отца Борислава там уже не было. Лишь жертва – девушка в белой ночной сорочке, – лежала всё так же не в состоянии пошевелиться. Её тело дважды вздрогнуло, и над снежной атласной тканью взметнулись красные фонтанчики.

Соучастники обряда, живо подбирая полы риз, разбежались в стороны. Но Алисе казалось, что двигаются они медленно и неуклюже, словно дети, только что научившиеся ходить. И потому было не удивительно, что Инквизитор легко и уверенно обошёл их. Он вновь оказался перед ними для того, чтобы произнести последние слова, которых ждала Алиса и боялись сектанты. Он раскинул руки, останавливая их бег, и закричал в пустоту над людьми, будто обращаясь не к конкретному исполнителю, а к самому небу:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Исполнить!

Зашипев, один из сатанистов метнул в отца Борислава чёрный ритуальный клинок, но что командору инквизиции его бессильная злоба – игрушка! Он шутя перехватил нож в полёте и отодвинулся в тень, растворяясь в вязкости тьмы, словно её порождение. Но людям, на мгновение замершим возле пентаграммы, легче не стало – они крутили головами,

страшась любого видения и всякого движения в углах. Они – знали. И на лицах их отчётливо проступал ужас.

Теперь наступало время Инициатора.

Её время.

...

10. Инициация

Выпрямившись, до хруста потянувшись, балуя тело, наливающееся мощью и осознанием правоты, она засмеялась лающими звуками и прыгнула к ближайшему охраннику. Словно огромное чёрное знамя плеснуло по ветру – развернулась и захлопала от движения широкая ткань подрясника. По перилам звенели, медленно разлетаясь в стороны, гильзы – боец всё ещё пытался попасть в серую тень, почти не приметно метающуюся по углам пентаграммы, и не увидел приближение опасности. Не мудрено – Алиса двигалась со скоростью охотящегося гепарда. Удар под руки, судорожно держащие оружие, и пистолет-пулемёт вылетел, проворачиваясь. Второе движение – когтистая ладонь по горлу. И, прыжком через сваливающееся тело, дальше – на следующего.

Словно заплясал бешенный чёрный костёр, то собираясь в искру, то разворачиваясь в огромный язык пламени. Алиса сжималась в клубок и с огромной силой бросала своё тело в прыжки, а чёрная широкая ткань скрывала движения рук и ног и только путала внимание, принуждая противника теряться от непонимания того, с кем или чем имеет дело.

Она металась диким зверем, рвя оружие из рук и убивая в одно движение. Люди валились, успевая лишь схватиться за располосованные раны, пытаясь удержать в пальцах рвущуюся кровь. Но не только когти рвали тело – сильнейшие

удары сваливали с ног, мозжили кости и разбивали мышцы.

Когда она прыгнула вниз и припала к полу, собираясь в единый чёрный комок, отец Борислав уже стоял над едва дышащей девушкой-жертвой, а бегущие сатанисты ещё не достигли дверей склада, петляя среди лабиринта тюков.

– Достань их! – рявкнул отец Борислав, опускаясь на колени и прожимая кулаками живот истекающей кровью девушки.

Алиса бросилась в погоню – прыжками по вертикалям; хватаясь руками за перевязанные скотчем тюки и прыгая дальше, обрушивая их колонны вниз. Она припадала к поверхностям, словно ящерица, и прыгала, как паук, цепляясь там, где, казалось, человеческое тело не способно удержаться. И догоняла. Ещё рывок и сверху вниз она бросилась на бегущего последним. Удар всем телом свалил его наземь, но Алиса не добивала, а лишь раз рванула клыками по шее. И тут же бросилась дальше.

«Шестой», – начала она обратный отсчёт.

Со рта капали, смешиваясь, кровь и слюна. В горле клокотал утробный рык. А чёрное широкое одеяние бесновалось, то догоняя тело, то опережая его.

Бегущий перед Алисой сатанист обернулся и, осознав, что стал последним, завопил и рванулся в другую сторону – в лабиринт тюков, в сторону от единственного открытого выхода из склада.

– «Позже», – сказала себе Алиса и, не отвлекаясь на за-

блудшего, бросилась на следующего с конца. Этот успел развернуться на бегу и выстрелить, но это не спасло – в прыжке Алиса сбила его с ног и, не церемонясь, рванула податливую шею.

– «Пятый».

Четвёртый оказался почти у выхода – развернувшись и не скрываясь, он шёл на неё, разряжая пистолет. Пули летели, но она оказывалась быстрее – прыжок на тюки в одну сторону, прыжок в другую, в одну, в другую – и приближалась. Рывок – чёрным вихрем она пролетела прямо над ним и приземлилась за его спиной. Мужчина, поворачиваясь и отслеживая её движение, продолжал стрелять и потому не увидел главного – за пролетевшим над его головой инициатором сваливался захваченный рывком тюк. Он с высоты второго этажа ухнул вниз в тот миг, когда Алиса приземлилась перед «четвёртым». Масса буквально смяла человека и всё, что оставалось инициатору – припав к земле, быстро добраться-доползти до его горла. Рывок – и тело, распластанное под весом в несколько центнеров, задрожало крупной дрожью от полученного укуса.

«Четвёртый».

Алиса метнулась дальше.

Третий ждал, затаившись у выхода и не понимая, насколько легко ей заблаговременно почувствовать и дурно пахнущее напряжение, и подрагивающий в руках ствол автомата. Но твёрдая убежденность в правоте служения толкнула её

прямо в открытую дверь. Она была инициатором и справедливым возмездием во плоти и в этом был её духовный щит. Такого щита не было у противника, потеющего от страха и желания скрыться за стеной здания.

Алиса вылетела на открытое пространство и коротким зигзагом прыжков, ускользя от неуспевающей очереди, добралась до противника. Сбила с ног и клыками вспорола горло.

«Третий», – подумала она. – «Дураки. Если бы они встали вместе, то имели бы шансы...»

Прислушалась. Первого не ощутила, но второй, тот, который остался в лабиринте склада, подбегал к выходу, видимо не догадываясь, что она уже покинула помещение.

Алиса заколебалась. Выбирать не хотелось, но...

«Первый подождёт», – решила она, когда человек приблизился к дверям склада. И присела, изготовившись, словно кошка на охоте.

Он выбежал прямо на неё, не глядя под ноги, а безумно обернувшись назад, в ожидании нападения в спину.

«Сон разума», – усмехнулась Алиса и прыгнула на грудь человеку.

Его сшибло с ног, но ещё в падении острые клыки вонзились в шею. Вниз рухнуло уже непослушное студнеобразное тело, крупной дрожью быющееся о землю. А в глазах ещё жил разум, жило сознание, понимающее, что произошло с ним и что его ждёт, и оттого полное невероятного ужаса.

«Второй», – Алиса сплюнула оторванный зубами кусок мяса и повернулась к выходу с территории.

Невдалеке завёлся мотор, и огромный серый джип рванул с места, поднимая тучу пыли и брызгая щебёнкой из-под колёс. Зарывав от досады, Алиса бросилась наперерез, но тщетно – машина вильнула в сторону и, сбивая груды ящиков, на полной скорости пошла к воротам. Она всё больше разгонялась и охранник у входа, покинув будку, бежал ей навстречу, изо всех сил дую в свисток и размахивая руками. Джип и не тряхнуло, когда, вихляя по дороге, он сбил человека – тряпичный игрушкой тот пролетел через капот и свалился в мусорную кучу. Пробегая мимо, Алиса лишь на мгновение перевела взгляд на его шею. Живчик пульсировал.

На полной скорости джип ударил бампером в некрепкие ворота, своей хилостью символизирующие доступность церкви, и, сметя их в стороны, рванулся на большую дорогу. За высоким забором зазвучали яростные сигналы остановившихся автомобилей, а от складов бежала охрана.

Алиса опустила голову набок, прислушиваясь. Судя по звукам бешено визжащих тормозов и требовательному сигналу мощного клаксона, джип уходил по дороге на запад, объезжая территорию складов «Милосердия». А это значило, что, по кратчайшей срезав угол, она могла ещё попытаться догнать его...

Сорвавшись с места, Алиса самозабвенно побежала, по-

чти полетела, наперерез. Последнего сектанта – «первого» – нужно было взять любой ценой. Нельзя отпускать ведущих обрядов! Во имя всего святого. И Алиса отдавалась бегу – тело трансформировалось, легчало, вытягивалось, становясь более пригодным к подобной скорости.

Прыжок! Она взлетела по бетонной стене забора и, раздирая широкий подрясник и кожу о колючую проволоку, не глядя, махнула сверху вниз. Упала на крышу проезжающей машины. Зацепилась. Огляделась.

Серый джип, уверенно набирая скорость, забирал влево, рассчитывая уйти в боковую улочку.

Ощерившись, Алиса прыгнула – со своей машины на идущую левее, но чуть быстрее. Едва удержалась на крыше, когда водитель с испугу нажал на тормоз. Прыгнула на следующую, – старый «Шеврале», идущий за нагоняемым джипом – машина вильнула и с неё пришлось прыгать дальше ещё быстрее, от того упала неудачно – на заднее стекло и багажник, больно ударившись о ребро крыши. Стекло охнуло и с треском зазмеилось под ударом, прозрачной змеиной кожей спускаясь в салон. «Шеврале» затормозил, виляя по дороге. Отпихнув от себя чешуйчатую белую массу, Алиса вскочила на ноги и запрыгнула на крышу. Вперёд! Ещё один прыжок на идущего точно на хвосте за беглецом «ниссаном» и Алиса коротко взвыла – джип, едва вписываясь в поворот, ушёл влево, а «ниссан» под ней, виляя, рванул вправо, в забитый ряд, в скулу мирно идущего такси. Алиса успела заметить

распахнутые от ужаса глаза женщины-водителя такси и белые костяшки судорожно сжатых на руле рук, а потом прыгнула. В момент столкновения машин она уже летела, переворачиваясь в воздухе, чтобы уверенно приземлиться на тротуаре.

Не оглядываясь на свалку машин, организовавшуюся за спиной, она напряжённо всматривалась в тёмную улочку, по которой ушёл серый джип. Его не было видно – огней водитель не зажёл, – но Алиса чувствовала его путь, как ощущает след собака. Она вглядывалась в запылённую даль и, склонив голову набок, шептала:

– Фонарь в противофазе с полярной. Справа на перекрёстке магазин игрушек, слева – занавески на окне зелёные. Луна в Козероге. Огненный лидер. Тени справа налево, отражения слева направо. Серый цвет, округлые разводы. Значит, поедет к воде.

Алиса втянула ночной воздух ноздрями и рванула через дорогу – там, на ближайшем перекрёстке джип должен был свернуть влево, чтобы уйти по направлению к реке. И она собиралась гнаться за ним, пока оставались силы.

Перекрёсток. Поворот влево. И впереди Алиса увидела мелькающие огни большой машины. Теперь, когда лидер уверился, что инициатор отстал, он не побоялся включить фары и сбавить скорость, чтобы не нарваться на дорожную полицию. Алиса не раздумывала. Она бежала, срывая дыхание и до боли в мышцах напрягая тело. Теперь, когда увиде-

ла огни, больше не выпускала их из поля зрения, мотаясь за ними следом и постепенно догоняя.

Когда джип дисциплинированно затормозил на красный у перекрёстка рядом с набережной, Алиса прыгнула.

Тело мощно ударилось о крышу. Когти впились в металл, пробивая и сминая его. Машина дёрнулась и понеслась. Вперёд, вперёд! Едва разъехалась на перекрёстке и пошла дальше – в сторону набережной. Алиса, распластавшись по крыше, подняла голову и увидела впереди серпики бликов на воде. И тут же ей опалило грудь. Снизу вверх, в тело, ударила горячая пуля. Разворотив металл, вбила его в живые ткани и прошла навывлет.

В горле Алисы заклокотал рык бешенства. Острая боль заставила забыть об усталости, из-за которой на миг застыла в бездействии. И, зацепившись одной рукой, она скатилась в сторону и ударила в пассажирское окно. Стекло разлетелось осколками, а сама Алиса, зашипев от выстрела, снова пробившего тело, головой вниз змеёй нырнула в открывшийся проход.

Сектант, ещё не успевший даже снять маску с лица, бросил руль и выпрыгнул из машины. Алиса ударилась об обшивку, зашипела от досады и выпрямилась на сиденье. И тут же подбросило... Обернувшись к лобовому стеклу, она ещё успела увидеть внезапно приблизившиеся зеркально-блестящие серпики бликов на близкой воде. Автомобиль мощно ударился о воду, и её бросило вверх, с силой припечатав к

крыше.

...

11. Йахи

Толкнув дверь, она почувствовала запах соперника и резко вскинула голову, стряхнув с мокрых волос воду и кровь на старые обои. И тут же успокоилась. Бет сидел на кухне за столом, словно прилежный школьник, сложив руки на столешнице, и, не отрываясь, смотрел, как она, шатаясь, заходит, как разувается, держась за косяк, и медленно, непрочно движется по коридору. Бледность лица и красные тяжёлые капли, падающие и ложащиеся на доски пола млечным путём, не заметить он не мог. Когда Алиса встала в проходе кухни, тяжёлым взглядом оглядывая знакомое пространство, он помолчал и предложил:

– Скорую?

Алиса неопределённо дёрнула головой и, сделав, наконец, шаг внутрь, прижалась спиной к стене и опустилась на пол. Глаза её закрылись, а тело расслабилось, оплыв в неудержимом желании сна.

Бет поднялся и осторожно, по шажку, приблизился к ней. Встал в каком-то шаге и замер, не решаясь подойти ближе. Он смотрел и вздрагивал, словно его тело отвечало на нерешаемую для сознания задачу – куда бежать и что делать. Он разглядывал дышащие кровью раны на её теле и его плечи всё более поднимались, а спина горбилась. В разрывах чёрного платья кровь казалась опрокинутыми баночками крас-

ной гуаши, не более. И всё потому, что раненая в плечо рука лежала слишком естественно, а пробитый корпус также поднимался-опadal при дыхании, и сами дыры тихо закрывались мелкими белыми нитками, словно окутываясь паутиной или зарастая плесенью. Лишь мертвенно-белое заострившееся лицо Алисы показывало, что происходящее не было обманом зрения или детской шуткой. Данила долго стоял, пристально всматриваясь в кровавые дыры, а потом опустился на корточки, изгибаясь от пленительного и, в то же время, ужасающего аромата и потянулся ближе.

Когда он оказался так близко, что его вонь стала навязчиво перебивать запах крови, Алиса открыла глаза. Здоровая рука выстрелила вперёд и уцепилась в горло «бета», зашипевшего от боли. Чёрные когти пробили мышцы и сдавили кадык, в любой момент грозя тяжёлой травмой. Данила схватился за запястье её атаковавшей руки, пытаясь удержать рывок, но она не стала калечить. Опираясь спиной на стену, поднялась, вынуждая захватом и бета встать на ноги. Он был выше её, но шипел от боли и боялся пошевелиться, пока её рука оставалась тверда.

– Отродье, – сморщилась Алиса и брезгливо оттолкнула от себя «бета». – Уходи. Или покалечу.

Бет не ответил, оседая, двумя руками держась за раненое горло и смотря на неё снизу вверх. Алиса отвернулась от презренного и, шатаясь, пошла в комнату. Её раны уже затягивались, но требовался основательный отдых для тела

и духа. Двинулась по коридору и наткнулась на тарелочку, за день до этого поставленную котёнку. В белом блюде разливалось молочное озерцо. Алиса остановилась – молока дома она не держала. Обернулась – бет стоял на коленях возле ванны и, обхватив губами кран,пил. По белой эмали капала кровь и на дне расплывалась в бледное водянистое пятно, но он не замечал этого.

– Откуда молоко? – спросила она.

Хилая, сгорбленная спина вздрогнула. Бет не стал оборачиваться для ответа:

– У соседей..., – трудно просипел он. – Коза есть...

Алиса представила себе, как он в ночь крадётся в соседский двор и, обнаружив там животину, душит её и рвёт горло. Если осталось так же, как от крысы, то любой здравомыслящий хозяин сразу побежит не в полицию, а к ближайшему священнику. А с отцом Владимиром разговор уже был и продолжения ей не хотелось.

– Наелся? – досадливо сплюнула она.

– Подоил, – угрюмо бросил через плечо Данила.

И Алиса растерялась:

– Не задавил?

– Зачем? Ты же сказала, что жратву принесёшь.

Минуту постояв молча, она сказала в сгорбленную спину:

– Извини. Сегодня неудачный день, – и ушла в комнату.

Разделась, скинув окровавленный и порванный подрясник, взяла из рюкзака спрей – залила раны тонким слоем

искусственной кожи, тут же застывшей изолирующей плёнкой, под которой лучше шло заживление. Села на своё место, скукожилась от холода, накрылась уголком спальника и прислушалась к тихому шебуршению Даниила на кухне. Когда шаги приблизились к двери, она замерла в тревожном ожидании. Но, спустя миг, человечья тень шатнулась в комнату, и в дверном проёме появилась фигура «бета».

– Чай? Мёд? – хмуро спросил он, в руках держа по чашке.

Алиса кивнула. Бет вошёл, сел на своём месте и по полу протянул к ней её чашку.

Пили молча. Чай, – индийский чёрный, старый до того, что стал мелкой пылью, – Данила заварил крепким, едва терпимым. Но мёд скрадывал убийственную горечь. Алиса пила и чувствовала, что внутри в желудке словно сворачивается тёплая ящерица, и тихонько шевелит лапками, устраиваясь. И, пугаясь её, разбегаются холодные жучки, потрескивая вздрагивающими крылышками под жёсткими покровами спинки. Алиса вздохнула удовлетворённо и откинулась на подушку:

– Я – спать. Ложись подальше от окон – день опять будет жарким.

Данила задумчиво кивнул, рассматривая изувеченный ударами ножей косяк прямо перед собой. Алиса нахмурилась и, оставив чашку, коротко поблагодарила:

– За чай – спасибо.

В ответ бет меланхолично пожал плечами и внезапно

спросил:

– Кто ты?

Только теперь она вспомнила, что знакомство у них получилось односторонним, и назвалась.

Данила впервые посмотрел на неё прямо – уставшие, блёклые глаза в обводе тёмных ввалившихся кругов глядели уже не запуганно, но явно измученно. Он медленно покачал головой:

– Кто ты. Кто я. Что происходит.

Алиса помолчала, прежде чем спросить.

– Ты не помнишь ничего?

Разглядывая свои ладони – морщинистые, шершавые, широкие, но тощие настолько, что проглядывали все кости и вены змеились поверх трубочками, – он отозвался:

– Детство немного. А потом – куски. Бег. Суета. Времени мало. Бег. Смерти вокруг. Пыль. Усталость. В небе – звёзды. Горизонт рваный. Бег. Надо успевать, но не получается.

Алиса долго молчала, глядя на то, как пятнает золотистыми мелкими бликами подоконники – словно новенькие копейки разбросало – сгребай, да в кошелёк! Только не нужны никому, лишь утяжеляют карман в то время, когда цена хлебной горбушки измеряется для многих в рабочих днях.

– Я – альфа-йях. Ты – бета-йях, – она помолчала и закончила: – А попросту – вампиры.

Данила сцепил руки. Горькая усмешка перечеркнула лицо:

– Я догадался. Запах крови... Он сладкий. От него – дурешь. Потом не помнишь. Только пить, пить. Жажда всегда. Я догадался. Значит, вампиры...

Он закрыл глаза – вокруг стиснутых век задрожали мелкие морщины.

Плотнее закутавшись в спальник, Алиса продолжила:

– Йахас – это вроде как магический вирус. Передаётся с укусом, если жертва остаётся в живых, или с кровью. Ну, как СПИД или грипп. Только ведёт не к смерти, а к жизни вечной для тела. Душа умирает сразу, как вирус входит в силу и заставляет пить кровь и убивать. Потому мы – потерянные для бога.

Данила неопределённо пожал плечами и попросил:

– Расскажи всё.

– Рассказывать слишком долго, – она помолчала, собираясь с силами, – Вкратце так. Я – альфа-йах, «инициатор» Матери нашей Церкви благой, то есть того, кто создаёт таких, как ты.

– Зачем?

– Человечество впало в грех, забыв об истинном своём предназначении, – Алиса утомлённо закрыла глаза. – Люди забыли о Боге и своём месте в его творении... Но во все века существовал оплот духовности, несущий миссию сохранения нравственности. Церковь. Единая и благая. Единственно верная среди многих подобных. И её великая задача – возвращение подлинной морали человечеству. Я – ини-

циатор, особый оперативник инквизиции. Моя задача – находить грешников, извративших духовность человека, погубивших свою душу и людские жизни или души, и инициировать. Заражать вирусом йахаса.

– Не понимаю.

– Всё просто, – Алиса откинулась и неопределённо повела рукой по воздуху. – Альфа-йах – это существо с особыми способностями, с высокой регенерацией, стойкостью к внешним раздражителям и духовностью, близкой к человеческой. Но, когда альфа заражает человека, то тому передаётся уже слабый вирус, мутировавший, приводящий к другим последствиям. Человек становится бета-йахом. Он тоже не способен умереть, но при этом он не обладает способностями альфа. Бета-йах вечно болен, тело изъедается ожогами и язвами, он боится света, людей, свободного пространства, вечно испытывает жажду, боль и утомление. Охотится по ночам на слабосильных животных – крыс, кошек, да не всех, кого сумеет задавить. Так и существует, опускаясь всё ниже, от уровня бомжей до животного состояния.

Данила хмуро покрутил в руке витую чайную ложечку.

– Это наказание?

– Не только. Церковь оставляет за вами право обратиться в любой приход с просьбой о милости смерти. Тогда бета-йах исповедуют и, если ясно, что его раскаяние идёт от сердца – специально подготовленный священник в должности «отчитчика» изгоняет бесов, чем даёт послабления существова-

нию йаха, тот проводит сорок дней в посте и молитвах и тогда его умерщвляет подготовленный инквизитор. Это проходит мирно и покойно, как правило, во сне. Ну а о том, что грешник раскаивается, естественно, рассказывают всем. Это служит назиданием другим и показывает чудо на земле, как божье наказание и божье прощение.

Алиса уже не смотрела на задумчиво-растерянного «бета», чьи метаящиеся глаза выдавали переполюх мыслей и чувств, её клонило в сон и живительная боль в местах ран тянула, принуждая сознание сбегать в забытьё. Не будь этого странного разговора, она давно бы уже спала, свернувшись калачиком или вытянувшись и замерев в восстанавливающем состоянии полного покоя. Но её беспокоил негаданный гость, его странная история и небывалое поведение. Всё это требовало осмысления, и для начала неплохо было научиться разговаривать, чтобы узнать больше.

Не глядя на неё, Даниил медленно спросил

– Ты рассказала мне...

Алиса отмахнулась:

– Нет, люди не знают об этом, – и, помолчав, продолжила: – Беты боятся людей и не могут рассказать об инициации, да и расскажут – кто им поверит? А инициаторы и священники умеют хранить тайны во благо Церкви.

Снова на время замолчали, оба борясь со сном, но пытаясь скрыть это от друг от друга.

– Получается, – поднял голову Данила, – что я должен

помнить о своих грехах, чтобы пойти в церковь и покаяться? Но я ничего не помню.

– Это меня и удивляет, – усмехнулась Алиса сонно. – Когда работает инициатор, инквизитор отслеживает его действия и, при необходимости, проводит сеанс корректировки, чтобы система не давала сбоев. Бета-йях обязан помнить свои грехи, иначе в его инициации нет смысла.

– Но я не помню, – подвёл черту Данила и горько усмехнулся: – И ещё... Я не верю в Бога.

Алиса промолчала.

...

Воспоминание о Сне

Старая наставница развернулась за мгновение до того, как её ладонь тронула широкий рукав.

– Алиса?

Лицо у сестры Пелагеи было абсолютно спокойным, даже отрешённым, как бывало во время исполнения сложных упражнений, и лишь в глазах мелькнуло удивление и что-то ещё странное, незнакомое, больше похожее на внутренний запрет. Только когда сестра чуть отодвинулась, Алиса увидела блестящую нитку режущей кромки ножа скрытого ношения в руке наставницы. Алиса отшатнулась, поняв свою ошибку, а сестра Пелагея покачала головой, прошептав:

– Безрассудно поджидать ночью в глухом коридоре воина церкви и приближаться без предупреждения...

– Простите, – прошептала она, склоняясь.

Наставница перекрестилась, шёпотом благодаря небеса за то, что не потребовалось совершить непоправимое и они остановили её и вразумили. И Алиса приучено присоединилась к ней.

– Чего ты искала тут, дитя? – наконец, мягко спросила сестра Пелагея, видя, что с воспитанницей творится что-то необычное – девушку лихорадило, а взгляд её обжигал страхом. И вряд ли её, не раз уже чувствующей металл возле тела, могло так испугать произошедшее.

– Я искала вас...

– Для чего же?

Алиса не стерпела и схватила любимую наставницу за руку, вцепилась, словно в попытке удержаться от падения, и та приняла её страх глубоко, молча позвав за собой в келью. Там только Алиса дала волю слезам, а сестра Пелагея по-матерински ласково гладила по голове, пока девушка выговаривалась.

– Сон... Страшный сон!

– Что снилось тебе, дитя?

– Мария.

Голос сестры Пелагеи дрогнул:

– Богоматерь?

– Нет, – затрясла головой Алиса. – Магдалина. Но она была и матерью, и божеством!

– Я не понимаю тебя, – ровно ответила сестра Пелагея, не прекращая гладить её.

– Я сама не понимаю, – почти простонала Алиса. – Но я чувствовала, что она – и не она.

– Кто же она?

Алиса сжалась, пытаясь сдержать дрожь, и зашептала тише:

– Я не знаю...

– Расскажи мне всё, – приказала наставница. – Что ты видела?

– Огромную постель. Белую, заправленную. Но очень

большую. Как комната. Нет, как наш тренировочный зал. А, может быть, и больше... Постель стояла под куполом, словно в церкви, а та церковь стояла в другой церкви, а та – в другой. Как матрёшки.

– Продолжай...

– И Мария... – Алиса сбилась, понимая, что дошла до того момента, боязнь которого и заставила её обратиться к любимой наставнице, а не к матери-настоятельнице или доброй сестре Софье. Но ей достало духу продолжить: – Мария лежала на этой кровати. Обнажённая. Она лежала на спине, расставив ноги и у неё был очень большой живот... Очень большой. Она его гладила и говорила... Словно молилась.

Ладонь сестры Пелагеи на мгновение приостановилась, но голос не дрогнул, оставшись ровным:

– Чего же она молила?

– Она говорила не по-нашему. Но я понимала. Почему-то понимала...

– Что ты понимала?

Вдохнула побольше воздуха, Алиса заговорила, раскачиваясь и напевая:

– «Из Солнца сошел на землю Зверь страшный, умер и возродился Огнём. И рухнул Огонь и породил Власть. Из Солнца сошёл на землю зверь водный, умер и возродился Образом. И рухнул Образ и породил Страсть. Из Солнца сошёл на землю Человек-с-тенью, умер и возродился Алтарём. И рухнул Алтарь и породил Грех. Из Солнца бык сошёл к

людям, умер и возродился Храмом. Но рухнул Храм и породил Нищету. Из Солнца сошёл овен на землю, умер и возродился Церковью...»

Алиса замолчала, стискивая кулаки, и снизу вверх ища глаза наставницы. Но сестра Пелагея смотрела в никуда, продолжая ровно гладить девочку по волосам.

– Потом? – приказала она.

– Мария завyla и поползла от меня на спине назад, к изголовью кровати. Словно паук. На локтях и пятках. – Алиса снова задрожала, но ровные движения сильной руки снова успокоили. – А там... Она поднялась спиной на спинку кровати и встала, широко расставив ноги... Как будто села на невидимую лошадь.

– Я понимаю, – отрешённо сказала сестра Пелагея, – Продолжай.

Алиса вздохнула.

– Потом она закричала: «И умрёт Церковь и родится...»

Рука сестры Пелагеи снова дрогнула, но голос снова остался спокоен, даже ласков:

– Что родится, дитя моё?

– Она не закончила, сестра. Закричала и у неё по ногам потекла кровь... Много крови. Просто водопад... И она текла по простыням ко мне, впитывались, но всё равно докатывалась... А потом...

Вздыхнув, наставница подняла лицо воспитанницы, обняв ладонями за бледные щёки, и мягко улыбнулась, показывая,

что всё поняла без объяснений:

– Она родила?

Алиса закусила губу, и из глаз потекли неудержимые слёзы:

– Да. Она родила. Камень.

Улыбка на лице старой наставницы погасла и ладони опали. Сестра Пелагея выпрямилась и отшатнулась от воспитанницы.

...

12. Отдых

Бета-йах, обхватив колени, сидел возле наиболее затенённой стены и смотрел в произвольно выбранную на старых обоях точку. Солнце уже давно поднялось и теперь пронзало лучами комнату, стремясь разогнать сумрак, но не справлялось с его густой тенью. В дальнем углу, в недостижимости для света, лежала Алиса. Она уже давно заснула, восстанавливаясь, и Данила видел, что дыхание колыхает её грудь, и понимал, что впасть в спячку она не стала, опасаясь его присутствия. Но запах крови от её ран уже не тревожил его, отойдя на второй план перед более серьёзными проблемами. Несмотря на короткий разговор, пищи для размышлений он получил довольно.

От непокидающего волнения взялся бродить по комнате, бездумно играя в классики с солнечными лучами. Негромко включил старенький радиоприёмник, начал щёлкать по каналам, не особо вслушиваясь в несущиеся новости.

– ...был раскрыт городским отделом по расследованию ритуальных преступлений. На месте проведения обряда явлено чудо, при котором пятеро сатанистов неведомой силой доведены до иступленной. В ближайшее время все они будут переведены из следственного изолятора под опеку медиков «Единой Церкви»...

– ...несомненно, мы рассчитываем, что явленное нече-

стивцам чудо заставит их понять всю глубину заблуждений и приобщиться к истинной вере. Но без молитв единокорковных, без нашего заступничества это невозможно. Давайте возблагодарим Господа и...

— ...растёт массовое недовольство застройкой мусульманского квартала. Вчера, после полуночи, в строящуюся мечеть были брошены бутылки с зажигательной смесью. В пожаре погибло двое, шестеро получили ожоги разной степени тяжести. Его Преподобие отец Аттик выразил свои соболезнования турецкой диаспоре и вызвал для доклада...

— ...Мирошенко призывает рассуждать здраво! Что стоит какое-то там чудо по сравнению с тем, что церковь, вмешиваясь в мирские дела, направо и налево нарушает права человека? Что это такое, когда в каждом приходе любой священник объясняет за кого голосовать и в какой банк вкладывать деньги? Где здравый смысл?! Котлеты – отдельно, мухи – отдельно! Богу – богово, а управлением должны заниматься те, кто знает, как это делать!

— ...мирным ходом с проповеди прихожане церкви святого Николая-угодника были атакованы парой молодых иудеев. Атака была отбита, но на помощь из резервации пришли агрессивно настроенные люди и в результате столкновения в зоне отчуждения еврейского квартала двадцать три человека ранено и двое убито...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.